

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

СВОБОДА!

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

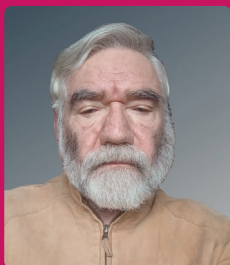
Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
15 февраля 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Момджян Карен Хачикович

доктор философских наук,
профессор

Кржевов Владимир Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова

Поддьяков Александр Николаевич

доктор психологических наук,
главный научный сотрудник лаборатории
психологии и психофизиологии творчества
Института психологии РАН,
профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Постников Александр Евгеньевич

доктор юридических наук,
заведующий отделом конституционного права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДД_иП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Что такое Свобода?

Свобода воли, свободы личности

Материалы заседания 15 февраля 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2025

УДК [141.5:342.721](063)
ББК 69.027.6я431+67.400.32я431
Ч80

Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности, конституционная модель и законодательное регулирование : материалы заседания 15 февраля 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с. – ISBN 978-5-6053663-8-6

При всей кажущейся ясности и недвусмысленности понятия «свобода» дать ему исчерпывающую научную дефиницию весьма затруднительно. У каждой отрасли знания свой подход к трактовке этого многоаспектного понятия. В ходе обсуждения, материалы которого вошли в настоящий сборник, свобода рассматривается с позиций философии, социологии, юриспруденции, психологии, нейрофизиологии и т.д.

Участники дискуссии рассуждают о границах свободы воли и субъектности человека, о соотношении свободы и ответственности. Обсуждается вопрос о том, является ли свобода неотъемлемым свойством человека или ее можно отнять. Рассматриваются правовые механизмы, обеспечивающие гарантии соблюдения свободы каждого гражданина.

Вопросов, связанных с осмыслением свободы, вероятно, больше, чем ответов. Участники дискуссии приглашают читателей задуматься над ними.

УДК [141.5:342.721](063)
ББК 69.027.6я431+67.400.32я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	12
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	16
Доклад 1	
Содокладчик д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х.	25
ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА	
к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	45
проф. МИРКИН Я.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	48
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	51
ИГИТЯН М.Ю. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	52
проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	53
САВАТЮГИН А.Л. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	55
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	56
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	60
акад. УШАКОВ Д.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	62
Содокладчик к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.	64
д. э. н. КУЛИКОВ Н.И., акад. ТОСУНЯН Г.А., к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.	86
Доклад 2 д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	90
СВОБОДА ВОЛИ	

к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	104
д. б. н. ЛЕТАРОВ А.В. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	106
проф. МОМДЖЯН К.Х. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	108
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	113
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	115
САВАТЮГИН А.Л. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	118
 Доклад 3 д. ю. н. ПОСТНИКОВ А.Е.	 121
 СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	
 ИГИТЯН М.Ю. – д. ю. н. ПОСТНИКОВ А.Е.	 131
д. э. н. МОКИЙ М.С. – д. ю. н. ПОСТНИКОВ А.Е.	136
д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х.	139
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. , акад. ТОСУНЯН Г.А., д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	140
проф. МОМДЖЯН К.Х. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	149
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А.	152
СМОЛИН В.С.	156
ТОСУНЯН Р.Г., д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н., к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С., акад. ТОСУНЯН Г.А.	161
к. г. н. АКСЕНОВ Г.П.	165
к. психол. н. СУПРУН А.П. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	169
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А., акад. ТОСУНЯН Г.А., проф. МОМДЖЯН К.Х.	175
ИГИТЯН М.Ю.	178
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.	179

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х.	181
к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.	183
д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.	185
д. ю. н. ПОСТНИКОВ А.Е.	186
акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	187

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	195
---------------------------	------------

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых дискуссий президента АРБ»	203
--	------------

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный ру-
ководитель Института философии
РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований наци-
ональной безопасности России Экс-
пертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассо-
циации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального ис-
следовательского института Дове-
рия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Ин-
ститута системного программирова-
ния им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ
урологии и интервенционной радио-
логии им. Н.А. Лопаткина (филиал
ФГБУ «НМИЦ радиологии» Мин-
здрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического фа-
культета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный
сотрудник отдела методологических
и междисциплинарных проблем раз-
вития науки Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель ака-
демика-секретаря ОХНМ РАН,
начальник лаборатории Всероссий-
ского НИИ авиационных материа-
лов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор
Института социологии ФНИСЦ
РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый прорек-
тор ФГБОУ ВО «Московский госу-
дарственный юридический универ-
ситет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руково-
дитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор, председатель
научного совета Института эконо-
мики роста им. П.А. Столыпина

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведую-
щий лабораторией социальной и
экономической психологии Инсти-
тута психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руко-
водитель Института океанологии
им. П.П. Шишова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабо-
раторией психологии общения фа-
культета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии
наук Армении (НАН РА), иностран-
ный член РАН, д. социол. н., науч-
ный руководитель Института фило-
софии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Инсти-
тута государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководи-
тель Центра правовых исследований
цифровых технологий Государ-
ственного академического универ-
ситета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя
правления Евразийского банка раз-
вития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор
Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского ин-
ститута НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры госу-
дарственного аудита Высшей школы
государственного аудита (факуль-
тет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего
Центром публично-правовых иссле-
дований Института законодатель-
ства и сравнительного правоведения
при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государст-
венный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Инсти-
тута социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий ла-
бораторией нервных и нейроэндо-
кринных регуляций Института био-
логического развития им. Н.К. Коль-
цова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Инсти-
тута психологии РАН

**ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА**

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

**ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

**ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ**

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ**

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

**ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

**ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ**

д. филос. н., профессор

**ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ**

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимают и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 135 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялась 91 дискуссия.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Доброе утро, коллеги!

Начинаем совместное заседание Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права.

Заседание традиционно проходит на площадке и при поддержке Ассоциации российских банков.

Я приветствую сопредседателя Совета Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и всех уважаемых коллег.

Для участия в обсуждении зарегистрировались 39 представителей науки и вузов, в том числе 13 членов Академии наук, а также банкиры, государственные, общественные деятели и эксперты разного уровня.

Всего более 140 человек с нами в Zoom и примерно 20 человек очно.

Тема сегодняшнего заседания, на первый взгляд, очень простая: «Что такое свобода?»

Это сложный, безусловно фундаментальный вопрос, который требует глубокого рассмотрения с разных позиций.

На интуитивном уровне, конечно, мы каждый по-своему понимаем, что такое свобода, и часто используем это слово.

Из-за сложности этого понятия определить его однозначно довольно трудно.

Свободу исследуют представители многих отраслей науки: философы, психологи, юристы, экономисты; наверное, математики свободу тоже исследуют.

Кстати, в физике есть «принцип неопределенности Гейзенберга», который, можно сказать, касается «свободы» элементарных частиц и свободы трактовки поликорпускулярной природы, соответственно, микромира.

Сегодня мы попробуем ответить на вопрос, что такое свобода, с позиции разных отраслей знания.

В социальной сфере свобода неразрывно связывается с ответственностью, и это правильно.

Можно вспомнить, например, французского философа Сартра, который утверждал, что человек всегда несет ответственность за свои поступки, даже если он избегает осознания этой ответственности.

Я бы подчеркнул, что без ответственности свобода вовсе рискует превратиться в хаос. Надеюсь, что это тоже многим из нас очевидно.

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», – так звучит классический принцип.

Но он работает только при условии взаимной ответственности.

Я бы этот принцип чуть-чуть перефразировал, потому что в тезисе, что свобода заканчивается там, где начинается свобода другого, есть некое противопоставление.

Я бы сформулировал это иначе:

Граница свободы одного человека должна учитывать границу свободы другого человека.

Совершенно не обязательно «заканчивать» и «ограничивать», ведь здесь вполне может не быть противоречий, могут быть и сочетания свобод.

Поэтому такая формулировка мне нравится больше.

С одной стороны, человечество на протяжении своей истории преодолело многое, чтобы, насколько возможно, освободить людей от угнетения и порабощения.

Но затем сама свобода, как это ни парадоксально, стала для человека серьезной проблемой.

Об этом, в частности, рассуждали философы, например, Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы».

Это актуально и в наш век, век изобилия информационных и всякого рода пиар-технологий.

Мы от этой «информационной свободы» – я умышленно беру ее в кавычки – кажется, серьезно страдаем.

Многие из нас, наверное, ищут способ как-то минимизировать такую степень информационной свободы.

Люди невольно перекладывают свой выбор на соцсети, на рекламу, на мнение толпы.

Я с большим уважением отношусь к искусственному интеллекту, но и с ним все не так просто.

Здесь, на мой взгляд, кроется большая ответственность.

Человек получил возможность не думать, а безотчетно следовать алгоритмам и трендам.

Вроде бы так проще и быстрее.

Но стоит ли целиком полагаться на это?

Есть даже такое ироничное выражение: «Свобода – это ответственность, вот почему все ее так боятся».

С правовой точки зрения свобода – это возможность человека действовать в рамках закона, не нарушая права других людей.

Мы уже говорили о границах свободы одного и уважении границ свободы окружающих.

Право тем самым регулирует границы свободы, чтобы обеспечить баланс между личными интересами и общественным порядком.

Право на свободу закреплено в международных и национальных правовых документах.

В частности, во Всеобщей декларации прав человека статья первая гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и праве».

Кстати, два ключевых слова перенесены отсюда в название нашего Института – «достоинство» и «право».

В Конституции РФ статья 17-я гласит: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Мне кажется, сказано очень точно.

Эти положения подчеркивают, что свобода – это не привилегия, а естественное право, которое государство обязано защищать.

Причем это закреплено не только в отдельно взятом нашем государстве, а во многих государствах, то есть это уровень уже международного понимания проблемы.

С этой точки зрения интересно посмотреть на индекс свободы человека и глобальный рейтинг, оценивающий уровень свободы в разных странах.

Правда, к этому надо относиться очень сдержанно. Есть много разных индексов, которые, к примеру, определяются исследователями американской школы – Институтом Катона, Канадским аналитическим центром, Институтом Фрейзера.

Они несут в себе достаточную степень субъективизма, находясь в своей парадигме представлений о свободе. Есть и другие школы со своими представлениями «о добре и зле».

В общем, надо относиться осторожно к этим рейтингам.

Но в каждом из них в основу исследований обычно ставится некое обоснование.

Это широкий спектр показателей, охватывающий личные и гражданские свободы.

В частности, верховенство закона, свобода передвижения, свобода информации, свобода ассоциаций.

Большой блок показателей касается экономической свободы, в частности, защиты прав собственности, надежности денежной системы, свободы международной торговли, регулирования бизнеса, труда и кредита и других.

Экономические свободы тесно связаны с темой конкуренции.

Свободный рынок поощряет борьбу за качество товаров, услуг и снижение цен, что выгодно для общества.

Государство создает правовую базу для защиты экономической свободы, но его вмешательство не должно быть определяющим и избыточным.

Вы знаете, что в Ассоциации российских банков мы давно и активно отстаиваем принципы конкуренции в банковской и финансовой сфере.

Считаем, что конкуренция в каждой отрасли экономики – это важнейший показатель, который способствует не только свободному развитию общества, но еще и повышению качества и снижению цены производимой в этой отрасли продукции.

Это мощнейший фактор, который не позволяет производителям товаров и услуг навязывать потребителям свои монопольные цены.

Рейтинг свободы человека составляется с 2000 года.

Есть разные рейтинги: одни охватывают 165 стран, другие – 190 стран.

В целом учитывается почти 99% населения мира.

Исследование фиксирует неравномерное распределение свободы: только 13,4% населения мира проживают в верхнем квартиле рейтинга, а 40% – в нижнем квартиле.

Высокий уровень свободы отмечается в странах Западной Европы, Северной Америки и Океании.

Здесь надо учитывать, что именно эти страны и формируют эти рейтинги, поэтому тут субъективизм тоже может иметь место.

Может быть, африканские рейтинги выглядели бы иначе, но мы пока обращаемся все-таки к тем, кто более аргументированно и более глубоко анализирует эти понятия.

Лидерами рейтинга этого года признаны Швейцария, Новая Зеландия и Эстония как государства с прогрессивным подходом, в том числе к цифровым правам и свободам.

Что касается цифровых прав, то надо сначала более точно их определить, а потом уже на этой основе составлять рейтинги. Но такие оценки, безусловно, имеют право на жизнь.

Речь идет о доступе к широкому спектру электронной документации и услуг, а также к возможностям электронного голосования.

Это совершенствует участие граждан в демократических процессах, но дает и возможности для манипуляций, не стоит этого исключать.

Надо очень аккуратно рассматривать электронное голосование как степень свободы, как расширение степени свободы.

Но это и расширение степени свободы, и расширение возможностей для манипуляций.

Самый низкий уровень свободы отмечается в странах Африки и на Ближнем Востоке.

Внизу рейтинга находятся Венесуэла, Йемен и Сирия.

По этому рейтингу мы находимся на 120-м месте, между африканскими Анголой и Мали, что, конечно, не очень приятно.

Перечислю, на каком уровне находятся разные страны.

Япония – на 16-м месте, Соединенные Штаты – на 23-м.

Постсоветская Армения находится на 26-м месте.

Приятно слышать, но тем не менее вызывает вопросы. Дай Бог, чтобы это действительно было так.

Южная Корея находится на 30-м месте, Хорватия – на 40-м, Грузия – на 43-м, Киргизия – на 88-м, Украина – на 89-м, Казахстан – на 107-м, Россия – на 120-м, Беларусь – на 126-м, Азербайджан – на 131-м, Таджикистан – на 141-м, Китай – на 151-м месте.

Туркменистан и Северная Корея в этом рейтинге отсутствуют: надо полагать, уровень свободы там «зашкаливает».

Вверх или вниз зашкаливает, видимо, составитель до конца не сумел изучить, поэтому рейтинг оставляет их за кадром.

Конечно, любой рейтинг – это всего лишь модель, так что, еще раз повторю, надо очень аккуратно к ним относиться.

Тем не менее рейтинг отражает определенный срез реальности и оценку тех или иных стран, и я намеренно это повторяю.

После такой небольшой преамбулы давайте перейдем к повестке дня.

Докладчиками сегодня выступят философы, психологи и правоведы, поэтому обсуждение будет, как всегда, междисциплинарным.

«Что такое свобода?» – содокладчики Момджян Карен Хачикович, инициатор этой темы, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории МГУ, и Кржевов Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории МГУ.

Я так понимаю, что они работают в тесном содружестве и в постоянном оппонировании друг другу, что уверен, способствует поиску истины.

Со вторым докладом – по теме «Свобода воли» – выступит Поддьяков Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор Высшей школы экономики, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН.

Третью тему «Свобода личности: конституционная модель и законодательное регулирование» представит Постников Александр Евгеньевич, доктор юридических наук, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России.

Слово предоставляется Карену Хачиковичу Момджяну.

Прошу Вас, Карен Хачикович.

ДОКЛАД 1

МОМДЖЯН К.Х.*

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

Спасибо. Доброе утро!

Коллеги, проблема свободы – это одна из важнейших проблем, стоящих перед человечеством на всем протяжении его существования.

Едва ли мы найдем хоть одну культуру, которая отрицала бы ценность свободы, считала ее злом, а не благом.

Все признают позитивную значимость свободы, но понимают ее по-разному.

Это значит, что появляется работа для философа, который должен сопоставить существующие точки зрения и навести какой-то относительный категориальный порядок.

Хочу сразу сказать, что у меня нет времени на историко-философский экскурс в проблематику свободы, о которой спорят со времен античной Греции.

Я выскажу свое понимание, сделав акцент на социально-философской проблематике свободы.

Должен предупредить, что социально-философская трактовка далеко не во всем совпадает с трактовкой свободы юристами, этиками, а также физиками.

Гарегин Ашотович, об этом я скажу специально.

Итак, что такое свобода?

* Момджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор.

С вашего позволения, оттолкнусь от Гегеля, который полагал, что свобода в самом широком ее понимании есть «у себя бытие, независимость от некоего другого отношения к самому себе».

То есть свобода понимается как состояние, альтернативное состоянию зависимости от неконтролируемых носителем свободы внешних факторов причинения.

При всем уважении к Гегелю мы должны помнить, что для него свобода – это состояние трансцендентного субъекта абсолютной идеи, инобытием которой является природный и социальный мир.

А я собираюсь говорить о свободе посюсторонней, поэтому должен буду сделать целый ряд важных уточнений.

Первое уточнение, на котором я настаиваю: всякая свобода есть независимость, но не всякая независимость есть свобода.

Независимость от чего-то внешнего, о которой говорит Гегель, не тождественна свободе, хотя является ее непременным условием.

Дело в том, что независимость от другого, безусловно, присуща объектам природы.

В зачаточной степени категория независимости может быть применена к объектам неживой природы.

Я имею в виду эффект самоорганизации физических систем, которые изучаются синергетикой.

К примеру, движение воздушных масс внутри такого климатического явления, как смерч, подчиняется законам, которые отличны от законов, определяющих состояние этих масс, не вовлеченных в происходящее.

Думаю, что это можно интерпретировать как определенную автономию, независимость объекта от среды его существования.

Я не большой специалист в этих вопросах, и Гарегин Ашотович, наверное, скорректирует этот тезис.

В полной мере подобная сущностная независимость присуща живым системам, которые обладают выраженной автономией качества – способны к самопорождению, самоорганизации, самоподдержанию и саморазвитию в среде существования.

Таким образом, в природе есть независимость, но свободы в ней нет, она возможна только в мире людей.

Конечно, в повседневной речи мы говорим о птицах, которых выпустили из клетки на свободу, или противопоставляем «свободных» волков домашним собакам, всецело зависящим от человека.

Но я полагаю, коллеги, что все это, как говорят французы, не более чем *façon de parler*, манера речи.

Конечно, такое животное, как волк, который «смотрит в лес, как его ни корми», инстинктивно тяготится зависимостью от человека, стремится обрести независимость от него.

Но эта независимость ни в коей мере не тождественна свободе в категориальном понимании этого термина.

Дело в том, что свобода не сводится к способности преодолевать внешнюю зависимость, она возможна при наличии суверенного контроля над внутренними детерминантами поведения, которые влияют на его направленность.

Свобода поведения в этом контексте есть альтернатива его предопределенности.

Она выступает как возможность поведенческого выбора, которого, по моему глубокому убеждению, у животных, лишенных свободы воли, нет и не может быть.

В самом деле, поведение животных предопределено психофизиологическими влечениями, которые они испытывают.

У них нет механизмов мотивационного контроля над этими влечениями, они не способны подвергать их экспертизе, основанной на мотивах рассудка или долженствования.

Если пищевая потребность собаки актуализировалась до состояния пищевой нужды, она съест предложенную еду, и мы не должны надеяться на то, что она откажется от пищи, потому что ее подали в неподходящее время или в некрасивой посуде.

Если кот испытывает острую половую нужду, он будет стремиться удовлетворить ее, и мы не должны рассчитывать на то, что он откажется от романтического свидания с кошкой из-за страха финансовых или репутационных потерь, или потому, что он недавно прочел «Крейцерову сонату» Толстого и отныне считает половую любовь греховой.

Животное всегда делает то, чего хочется его организму, с которым оно фактически совпадает.

Конечно, животным присуща вариативность поведения, возникающая в ситуации, когда они испытывают одновременно несколько потребностных влечений.

Но наличие разных вариантов поведения не означает свободы выбора между ними.

Во всяком случае, зоопсихологи утверждают, что животное всегда следует объективно сильнейшему из психофизиологических влечений.

Это значит, что, всерьез проголодавшись, самый легкомысленный кот забывает о романтическом влечении к кошке, становясь, литературно говоря, рабом своего желудка, требующего еды.

Это очень отличается от поведения человека, который способен сознательно уморить себя голодом, руководствуясь религиозными, политическими или прочими мотивами.

И это несмотря на то, что человек также испытывает пищевую нужду, которая вызывает интерорецептивное ощущение голода, вызывающее в свою очередь сильнейшее пищевое влечение, которое человек способен блокировать.

Если свободы нет в живой природе, ее тем более нет в природе неживой.

Поэтому физики, которые говорят о «свободе воли электрона» в связи с непредсказуемостью его движения, должны понимать, что это аллегория, образное выражение.

У элементарной частицы нет и не может быть никакой воли, поскольку у нее нет психики, реактивным проявлением которой эта воля является.

То же касается рассуждений о степенях свободы какого-нибудь механизма: вариативность его действий не означает свободы выбора вариантов.

Одним словом, в неживом и живом мирах нет никакой свободы.

Есть лишь необходимость, вероятность и случайность, которые со свободой в данном случае никак не связаны.

Повторю: свобода есть лишь в мире людей.

При этом, как убежденный сторонник методологического индивидуализма, я считаю носителем свободы исключительно человеческого индивида.

Это значит, что общество не может быть свободным или несвободным.

Общество может предоставлять организационные условия для свободы людей, но само по себе свободным

оно быть не может — так же, как оно не может есть, дышать или думать.

Я могу предложить такую аналогию: общество — это дом, в котором живут люди.

Конечно, вы можете называть дом гостеприимным, но все-таки нужно понимать, что гостеприимным является не здание, а люди, живущие в этом здании.

Еще два замечания, связанных с категориями независимости и свободы.

Первое: понимая свободу человека как альтернативу зависимости, мы должны добавить, что эта свобода есть альтернатива реальной, а не гипотетической зависимости.

Не следует называть свободным человеком холостяка, поскольку невозможно быть свободным от диктата жены, которой у вас нет.

Это все равно, что считать себя свободным от экспансии марсиан.

Второе замечание.

Я не могу согласиться с принятым в философской литературе различием так называемой позитивной и негативной свободы, различием свободы «для» и свободы «от», о чем писал, в частности, Исайя Берлин.

Думаю, что свободой «от» называют ту самую независимость от другого, которая сама по себе не становится свободой, пока не соединяется со свободой «для», предполагающей свободный жизненный выбор.

«Свобода от голода» означает всего лишь наличие пищи, которая сама по себе не делает сытого раба свободным человеком.

«Свобода от эксплуатации» не является гарантией того, что неэксплуатируемый человек обрел свободу самоопределения.

Теперь – к сути дела.

Будучи социальным понятием, свобода, по моему глубокому убеждению, может быть понята лишь в том случае, если мы рассмотрим ее в социально-философском контексте, связав с законами деятельности, которые осуществляет субъект свободы.

Любая деятельность человека, отличная от нереализованного намерения действовать, включает в себя две операциональные фазы.

Первая – это фаза целепостановки, которая заканчивается принятием решения.

И вторая фаза – это фаза целереализации, которая предполагает осуществление этого решения.

Я убежден, что это обстоятельство порождает два вида свободы:

– свободу внутреннюю, которая представляет собой свободу целепостановки;

– свободу внешнюю, которая представляет собой свободу целереализации.

Эти виды свободы связаны между собой, но могут драматически не совпадать друг с другом.

С вашего позволения, начну с внешней свободы.

Я понимаю ее как способность человека контролировать условия собственной жизни, реализуя решения, которые он считает нужным реализовать.

Иными словами, внешняя свобода – это способность человека делать то, что он хотел бы сделать.

Если вы можете купить автомобиль, который хотите купить, это значит, что вы обладаете определенной экономической свободой.

Если вы можете реализовать управленческое решение, которое решили реализовать, это значит, что у вас есть административная свобода.

Если вы способны реализовать свои политические цели, это значит, что вы обладаете политической свободой, и так далее.

Существуют разные виды внешней свободы, которые коррелируют с основными типами деятельности, лежащими в основе подсистем общественной жизни, именуемых сферами общественной жизни.

Что нужно знать о внешней свободе?

Я хочу предложить четыре тезиса.

Тезис первый – внешняя свобода не абсолютна.

Это свобода в рамках возможного для человека, за пределами которого лежит область невозможного, включающая реализацию задуманного.

То есть принцип известного персонажа «Золотого теленка» Никиты Пряхина: «Как пожелаем, так и сделаем», – в общественной жизни реализуется далеко не всегда.

К примеру, я много лет пытаюсь убедить своего содокладчика, любимого мной Владимира Сергеевича, в невозможности установить либеральную демократию в стране, население которой страдает от депривации жизнеобеспечивающих нужд.

То есть думает прежде всего о хлебе насущном, а все остальное считает фантазиями людей, которые с жиру бесятся.

Политическая свобода не может быть введена декретом; мы не свободны это сделать, как бы ни хотели.

Второй тезис может вызвать у философов серьезные возражения.

Я считаю, что внешняя свобода бывает двух видов: она бывает разумной и неразумной.

Что такое неразумная свобода?

Это свобода делать, но не сделать.

Это процессуальная, но нерезультативная свобода.

Это способность стремиться к желаемому результату, но не добиться его.

Представьте себе на минуту, что я принял решение пробить головой стену.

Несмотря на уговоры моих друзей, а позднее их попытки связать меня полотенцами, я приступил к реализации этого решения.

Я называю это свободой: свободой биться головой о стену, хотя я никогда не смогу ее пробить.

Разумная свобода, по Гегелю, напротив, это способность не только осуществлять, но и осуществить задуманное.

Это возможно при одном-единственном условии – если вы действуете на основе познанной вами необходимости.

Многие философы не согласны с различием разумной и неразумной свободы, полагая, что последней не бывает, что необходимым условием свободы всегда является именно разумность, основанная на понимании необходимости.

Я не могу с этим согласиться.

Полагаю, что такая трактовка возводит частное в общее и выдает один из видов свободы за свободу вообще.

Почему я возражаю против универсализации разумной свободы?

Потому что в противном случае я должен признать несвободным любого человека, который выбирает борьбу за безнадежное, нереализуемое дело.

Это значит, что я должен признать несвободным Спартака, который умер как свободный человек, свободно выбравший свою судьбу, хотя и боролся с рабством, не понимая его неустранимости на данном этапе истории.

Энгельс в свое время говорил о трагедии людей, которые борются за свободу в ситуации, когда условия для этой свободы еще не созрели.

Получается, что эти люди, жертвующие собой ради свободы, не свободны, а люди, которые подчиняются рабству, оправдывая это необходимостью его на данном этапе истории, оказываются свободными.

Я полагаю, что свободным может быть не только нереализуемый, но и противоправный, преступный выбор человека, соответствующий критериям свободы, которая, по моему убеждению, не тождественна добродетели и не всегда предполагает следование категорическому императиву, как на этом настаивал Кант.

Третье суждение о внешней свободе – человек вполне способен утратить ее.

Если вы сажаете человека в тюрьму, вы лишаете его возможности есть то, что он хотел бы есть, смотреть по телевизору то, что он хотел бы смотреть, разговаривать по телефону с тем, с кем он хотел бы разговаривать.

То есть вы лишаете его внешней свободы, понятой как способность делать то, что человек хотел бы делать.

Четвертое, и самое грустное суждение относительно внешней свободы – она не является предметом универсальной человеческой потребности, поскольку не все люди нуждаются в ней.

Именно поэтому потребность в свободе отсутствует в знаменитой пирамиде человеческих потребностей, предложенной Абрахамом Маслоу.

В самом деле, для многих людей внешняя свобода – и Гарегин Ашотович об этом уже сказал – является тяжким бременем.

Она связана с ответственностью за собственную судьбу и невозможностью переложить решение своих проблем на плечи другого субъекта.

Если позволите, я приведу иллюстрацию к сказанному, каковой является известный фильм Фрэнка Дарабонта «Побег из Шоушенка».

Эта картина была номинирована на семь «Оскаров», но, к сожалению, не получила ни одного.

Напомню вам, что один из персонажей, старик-заключенный, захватывает заложника и угрожает убить его, если администрация тюрьмы не позволит ему остаться в тюрьме, несмотря на то, что срок его заключения уже истек.

В тюрьме прошла вся его жизнь, он привык к ней и считает пребывание в ней комфортным, а забытой им свободы он боится, как черт лаdana.

По сюжету фильма старика все-таки выставляют из тюрьмы, и он кончает жизнь самоубийством, оказавшись не в состоянии перенести это тяжкое бремя внешней свободы.

Гарегин Ашотович совершенно прав: многие философы говорят о бегстве от свободы как об одной из тенденций минувшего столетия.

В частности, неудачная политическая либерализация обществ нередко связана с патерналистским менталитетом людей, которые готовы уступить внешнюю свободу в обмен на гарантированное удовлетворение витальных нужд и потребности в безопасности.

Один из профессоров моей кафедры в начале 90-х говорил мне: «Да пропадите вы пропадом со своим Шенгеном, если я взамен должен вооружаться ножом и перцовым баллоном, чтобы встречать внучку после работы».

Все это так, но если мы зададим себе вопрос, по какой причине старый заключенный из Шоушенка совершил самоубийство, то ответ будет такой: причиной стала депривация той самой потребности в свободе, которую Маслоу необоснованно не включил в свой список.

Нужна только одна оговорка: речь идет не о внешней, а о внутренней свободе, в которой нуждается каждый человек, которую он никому и никогда без борьбы не отдаст.

Внутренняя свобода – это свобода целепостановки, способность человека самостоятельно определять свои жизненные приоритеты, самостоятельно решать, что для него хорошо, что для него плохо, к чему ему следует стремиться, чего ему следует избегать.

Если внешняя свобода проявляет себя как способность делать то, что хочешь делать, то внутренняя свобода проявляет себя как способность не делать то, чего не хочешь делать.

Такой свободой человек может обладать, даже будучи закованным в кандалы.

Генерал Карбышев, который не идет на сговор с врагами, умирает как внутренне свободный человек, несмотря на заключение в концлагере.

Впрочем, здесь есть один философский нюанс, о котором уже успел сказать Гарегин Ашотович.

Принято уважительно говорить о людях, которые сохранили свою внутреннюю свободу, несмотря на внешнее давление.

А вот Жан-Поль Сартр считал, что человек не может не сохранить внутреннюю свободу, поскольку теоретически не способен утратить ее.

В любой ситуации человек сам принимает решение о своей судьбе.

Каким бы парадоксом это ни казалось, но раб, лишенный внешней свободы, вынужденный выполнять распоряжение своего хозяина, сохраняет внутреннюю свободу.

Почему?

Потому что, согласно Сартру, его нельзя принудить к рабству, пока он сам не согласится стать рабом, отвергнув другую возможность – отказаться от рабства, несмотря на травматические последствия, которые имеет этот отказ.

Несмотря на принуждение, раб сохраняет свободу выбора между двумя своими потребностями – потребностью в безопасности и потребностью в самоопределении.

Если раб соглашается быть рабом, отдавая предпочтение безопасности, он делает выбор в пользу меньшего из зол.

Этот выбор не является добровольным, но его можно и нужно считать самовольным – выбором самого человека.

В американских боевиках есть трафаретная сцена, когда бандиты врываются в банк, наставляют на кассира пистолет и требуют, чтобы он отдал им деньги.

Кассир отдает деньги, а приехавшим полицейским говорит: «У меня не было выбора».

Конечно же, у него был выбор, страшный выбор между жизнью и вполне возможной смертью, но, сохраняя возможность такого выбора, человек сохраняет свою внутреннюю свободу.

Как отнестись к этим утверждениям Сартра?

Я частью согласен, а частью не согласен с ними.

Согласен с тем, что существует неотчуждаемая базовая внутренняя свобода, которая является необходимым условием человеческой субъектности (понимая под субъектом актора, который способен инициировать и контролировать деятельность, направленную на реализацию своих собственных потребностей, интересов и целей).

Я согласен с тем, что внутренняя свобода, в отличие от внешней свободы, которая представляет собой *переменное состояние* субъекта, выступает как его неотъемлемое свойство, которое субъект сохраняет в любых своих состояниях, пока остается субъектом.

Сартр прав в том, что внешнее принуждение не способно убить внутреннюю свободу субъекта, хотя оно ограничивает ее, лишая человека возможности принимать добровольные, не вынужденные решения.

Внутренняя свобода, повторю, неперенное условие субъектности, но возникает вопрос: обречен ли человек быть субъектом или способен утратить эту способность, превратившись в объект чужой деятельности?

Должны ли мы ставить знак равенства между понятиями «человек» и «субъект»?

Увы, коллеги, человек вполне может стать объектом, утратив не только внешнюю, но и внутреннюю свободу, что, увы, нередко случается в нашей жизни.

С вашего позволения, я хотел бы рассказать вам о полемике, которая произошла на одной из моих лекций.

Я поспорил с одной из студенток, которая была очень умной, очень решительной и, надо сказать, очень красивой девушкой.

На лекции она заявила, что она не согласна со мной и согласна с Сартром, полагая, что объектность для человека невозможна, что в любой и всякой ситуации человек сохраняет свою субъектность, предполагающую внутреннюю свободу.

Я ответил: «Женя, а хотите, я за пять минут превращу Вас из самовольного субъекта в объект, лишенный внутренней свободы? Давайте поспорим на бутылку минеральной воды, что этот сюжет вполне реализуем».

Девушка ответила: «Хоть на две бутылки, потому что Вы не сумеете этого сделать».

«Я все же попробую», – говорю я и задаю ей вопрос: «Вы любите танцевать?». «Да», – отвечает студентка.

«А что Вы скажете, если я попрошу Вас здесь и сейчас что-нибудь для нас станцевать?»

Девушка отвечает: «Карен Хачикович, я отношусь к Вам с уважением, но я откажусь по двум причинам. Во-первых, у меня нет ни малейшего настроения танцевать, а во-вторых, я полагаю, что аудитория – это вообще неподходящее место для танцев».

Я отвечаю: «Понятно, но дело в том, что ровно через пять минут Вы будете танцевать».

Девушка смотрит на меня в упор и говорит: «Не буду». Я говорю: «Хотите, поспорим на три бутылки минеральной воды?»

«Хоть на пять», — отвечает девушка.

«Только сначала, — говорю я, — давайте договоримся о том, что мы считаем танцем. Я называю танцем ритмичное движение человека под музыку. Вы согласны?»

«Да», — отвечает девушка.

Я говорю: «Тогда готовьтесь, сейчас будете танцевать. Женья, должен Вас разочаровать. Наверное, Вы ждете, что сейчас я начну Вам угрожать, топтать ногами и кричать: “Если ты, дрянь такая, сейчас немедленно не станцуешь, я тебе поставлю двойку на экзамене и добьюсь твоего отчисления из МГУ!”

Я этого не буду делать не потому, что я не могу, а потому что в этом случае я проиграю спор.

Я прекрасно понимаю, что гордая, уважающая себя девушка в какой-то момент мне скажет: “Идите к черту, дорогой профессор, ставьте мне двойки, отчисляйте меня, я все равно танцевать не буду”. Поэтому мы пойдем, как говорил Ульянов-Ленин, другим путем».

Обращаясь к аудитории, говорю: «Молодые люди, мне нужно четыре физически сильных парня для небольшого эксперимента. Есть желающие?»

Желающие тут же нашлись.

Я говорю: «Итак, молодые люди, один из вас берет на себя левую руку Жени, другой берет правую, третий и четвертый контролируют ее ноги. Танцевать будем цыганочку с выходом. Я напеваю мелодию, в определенный момент Вы, молодой человек, топаете левой ногой Жени, вы, господа, разводите ей руки, Вы топаете правой ногой, а вы двое сводите руки».

Спрашиваю: «Осуществимый проект? Человек, которого заставляют танцевать, разводя ему руки и ноги, он что, сохраняет субъектность? Какое отношение его

стремления, желания, решения имеют к происходящему? Способен он как-то повлиять на ситуацию?»

Нужно сказать, что девушка не сразу со мной согласилась.

«Хорошо, Карен Хачикович, – говорит она, – будем считать, что я проиграла Вам эту бутылку минеральной воды, но все-таки Вы придумали какой-то, извините, дурацкий нереальный пример. Когда в человеческой истории людей заставляли танцевать, разводя им руки и ноги?»

Я спрашиваю: «Вы хотите более жизненную иллюстрацию человеческой объектности? Извольте».

И я рассказал ей типичную историю из советского прошлого.

Представьте себе переполненный автобус: людей так много, что они висят на подножках.

Водитель оказывается в очень сложной ситуации: инструкция запрещает ему трогать машину с места, пока он не закрыл двери.

Но двери нельзя закрыть, потому что там висят пассажиры.

Что делает советский водитель?

Сначала он пытается решить проблему в субъект-субъектной парадигме, пытаясь убедить своих пассажиров и побудить их к разумному поведению.

Водитель говорит: «Товарищи, дайте мне возможность закрыть двери. Пока они открыты, машина не тронется с места. Пожалуйста, товарищи, проявите сознательность, вы задерживаете сами себя».

Результат нулевой, потому что в этот момент начинает действовать так называемая ситуативная этика, когда представления о добре и зле зависят от того, находитесь ли вы в середине салона, осуждая тех, кто висит на подножке, или сами висите на подножке, ругая тех, кто не хочет подвинуться, чтобы вы вошли в автобус.

Что делает водитель в этой ситуации?

В какой-то момент он говорит себе: не хотят быть субъектами – сейчас я превращу вас в объекты.

Водитель в нарушение инструкции трогает машину с места, набирает небольшую скорость, чтобы не было травм, а потом резко бьет по тормозам. Дальнейшее вам объяснит имеющий физическое образование Гарегин Ашотович: под действием возникающих физических сил люди начинают утрамбовываться в автобусе.

Их перемещают, как бревна, не интересуясь их согласием или несогласием.

Какая субъектность может быть в этой ситуации?

Какая внутренняя свобода?

Ее нет.

Вывод такой.

Человек утрачивает субъектность не в ситуации, когда его принуждают делать что-то, а в ситуации, когда с ним делают что-то, не считаясь с его намерениями и желаниями.

Если грабитель говорит своей жертве: «Кошелек или жизнь», – он сохраняет за жертвой некоторую субъектность, возможность поведенческого выбора.

Но если грабитель ударил свою жертву по голове кастетом и потом снял кошелек с бесчувственного тела, ни о какой субъектности, извините меня, здесь нет речи.

Субъектность утрачивается человеком в случае насильственных действий, не связанных с принуждением.

Кстати, такие действия не всегда связаны с физическим насилием: если начальник увольняет подчиненного, не сообразуясь с его желаниями, человек становится объектом увольнения.

Другое дело, что это ситуативная объектность, которая сменится на субъектность в тот момент, когда уволенный отправится в суд, требуя восстановления на работе.

В завершение хочу сказать, что внутренняя свобода человека, как и свобода внешняя, не абсолютна, она имеет не только внешние, но и внутренние ограничения.

Казалось бы, какие ограничения целепостановки могут быть у человека, который обладает фантазией, способен ставить перед собой любые, в том числе и нереализуемые, цели?

Но это не так.

Целепостановка человека ограничена наличием объективных, предписанных конечных целей жизни.

Речь идет о генетически заданных экзистенциальных влечениях к сохранению факта и качества жизни.

Ни один из нас не может отменить такого рода целеполагание, оно задано генетически.

К примеру, всякий человек обречен стремиться к лучшему для себя и ни при каких условиях не может стремиться к худшему как к самоцели.

Обратите внимание, что даже в случае с самоубийством человек действует по формуле: «Лучше я умру, чем...» («...потеряю достоинство», «...потеряю деньги», «...потеряю близких» и так далее).

Такова драма человеческой жизни, в которой смерть порой становится лучшим из выходов, и именно к этому лучшему стремится человек.

И самое последнее.

Как ясно из сказанного, проблема внутренней свободы теснейшим образом связана с проблемой свободы человеческой воли, наличие которой подлежит аргументированному обоснованию.

Я не обращался к этой теме, поскольку ей посвящено выступление нашего третьего докладчика, которого я выслушаю с большим интересом и по возможности прокомментирую.

Благодарю вас за внимание, спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Карен Хачикович. Очень интересно, очень остроумно.

Момджян К.Х.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Вы говорите, что человек стремится к лучшему.

Безусловно, и Вы, и Владимир Сергеевич обладаете субъектностью в широком смысле этого слова.

Но на значительную часть Ваших тезисов Владимир Сергеевич качал головой, не соглашаясь, а Вы при этом сами же предложили его содокладчиком.

Сами же без него работать, видимо, не можете.

Момджян К.Х.: Это уже образ жизни, Гарегин Ашотович.

Тосунян Г.А.: Да, есть и такой парадокс.

Коллеги, хотя у нас впереди еще содоклад, но уже море поднятых рук.

Давайте выслушаем несколько вопросов.

к. филос. н. **КРЖЕВОВ В.С.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Кржевов В.С.: Я хотел бы задать вопрос.

Он как раз касается того экзотического примера, который Карен Хачикович приводил в связи со своим предполагаемым желанием пробить головой стену.

Я надеюсь, что до этого никогда не дойдет.

Вопрос мой вот в чем: почему есть уверенность, что мы здесь имеем дело со свободой?

Может быть, такого рода желания вызваны просто-напросто патологией мозга?

Тогда ни о какой свободе воли речи быть не может.

Момджян К.Х.: Люди часто ставят перед собой нереализуемые цели.

И наверное, только в одном случае из ста тысяч это связано с патологией мозга.

Кржевов В.С.: Насчет статистики я не буду говорить, потому что таких данных нет.

Но это проблема, которая сейчас всерьез обсуждается юристами.

Вопрос касается ответственности: можно ли возлагать на человека ответственность за действия, которые он не контролировал, потому что они были инициированы его патологическим мозгом?

Это называется неспособностью различать добро и зло.

Я настаиваю, что такого рода поступки чаще всего являются следствием патологии мозга, то есть они никак не могут свидетельствовать о свободе человека.

Это просто-напросто такой классический вариант, когда поведение детерминировано некоторыми фактами, которые к воле никакого отношения не имеют.

О воле я потом еще буду иметь возможность поговорить особо.

Момджян К.Х.: Владимир Сергеевич, скажите, пожалуйста, стремление установить либеральную демократию в политарной стране – это тоже результат дефектов головного мозга?

Кржевов В.С.: Я не понимаю, где здесь основания. Дай мне ответить.

Ты не понимаешь сути вопроса, судя по всему.

Речь не о том, что принимается решение о невыполнимом действии, а о том, что решения нет, что это функция мозга, а нет воли.

Твой вопрос о демократии, конечно, это вопрос волевого выбора.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Кстати, Владимир Сергеевич, у меня тоже первый вопрос, точнее комментарий, возник, когда Карен Хачикович говорил, что неразумная свобода является произволом.

Момджян К.Х.: Это не я, это Гегель.

Тосунян Г.А.: Даже если это Гегель, это у меня вызывает вопрос.

О каком произволе идет речь, когда человек бьется головой об стену?

Произвол – это когда человек действует, не считаясь с интересами окружающих, не считаясь с их мотивами.

Когда человек бьется об стену, это буйство, но никак не произвол.

Момджян К.Х.: Это юридическая трактовка, Гарегин Ашотович, согласитесь.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Но раз на это обратили внимание, важно обсудить и этот нюанс.

У нас Яков Моисеевич поднял руку первым. Прошу Вас, Яков Моисеевич.

проф. МИРКИН Я.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор, председатель научного совета
Института экономики роста им. П.А. Столыпина

Миркин Я.М.: Добрый день!

Благодарю за очень ясный, очень разумный, очень содержательный доклад.

У меня два вопроса.

Первый вопрос.

Мы сейчас часто говорим о коллективном поведении.

В том числе и в финансах – это так называемые поведенческие финансы в экономике, поведенческая экономика.

Мы говорим о субъектности толпы, о коллективном сознании, о коллективной воле и так далее.

Какое-то отношение к понятию свободы это имеет?

Можно ли соотносить понятие свободы и коллективное поведение или коллективную субъектность?

Второй вопрос.

Хорошо известно, что в разных обществах существует разное соотношение между объемом свободы (внешней свободы, присущей данному обществу), принуждениями и границами, которыми эта свобода ограничена.

Мы хорошо знаем, что слишком много свободы – это может быть анархия, дезорганизация.

Слишком мало свободы – это тупиковые модели, торможение и так далее.

Можно предположить, что для каждого общества есть оптимум, есть оптимальное соотношение между свободой и принуждением, внешними границами.

В разных обществах он, наверное, разный.

Можно ли как-нибудь сформулировать, что такое этот оптимум, дать ему определение?

Как он определяется, с Вашей точки зрения?

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, я прошу сейчас задавать только вопросы, чтобы не было длинных комментариев.

Карен Хачикович, прошу Вас ответить.

Момджян К.Х.: Относительно коллективной субъектности, коллективного сознания.

Вы знаете, я не верю в то, что возможна коллективная субъектность, более того, считаю, что ее стопроцентно нет.

Гарегин Ашотович, помните, мы с Вами уже как-то начинали полемизировать на эту тему?

Я понимаю, что заставляет людей говорить о возможной коллективной субъектности.

Дело вот в чем.

Человек в коллективе ведет себя не так, как он ведет себя в случае с индивидуальной активностью.

Существуют даже экономические подтверждения этого.

В свое время Богданов утверждал, что люди, которые работают вдвоем, производят не в два, а в три раза больше, чем делает один человек.

То есть возникает некий эффект синергии, с чем совершенно невозможно спорить.

Но на этом основании мы не должны утверждать, что действуют не люди, а коллектив людей, хотя в условиях коллектива эта деятельность приобретает какие-то новые параметры, новые изменения.

Относительно Вашего второго вопроса я должен совершенно с Вами согласиться.

Конечно, если мы говорим об импликации свободы в истории, в разных обществах существуют разные меры разумной свободы, потому что неразумная свобода во всех обществах, наверное, одинаковая.

Я полагаю, что действительно, определенный оптимум людей, которые практически управляют страной, нужно учитывать.

Скажем, если вы руководите страной, именуемой Россия, ею нужно управлять не так, как управляют Швейцарией.

Потому что здесь совершенно иной баланс между свободой и ответственностью, и трезвый политик обязан это учитывать.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Жан Терентьевич Тощенко руку поднял, потом Мецо Юрьевич Игитян, потом Сергей Вячеславович Калашников, потом Алексей Львович Саватюгин, потом Павел Алексеевич Медведев.

В такой последовательности у нас целая цепочка выстроилась.

Жан Терентьевич, член Академии наук, пожалуйста, Вам слово.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета

Тощенко Ж.Т.: Карен Хачикович, я благодарю Вас за интересную лекцию, за Ваши глубокие размышления.

У меня такой необычный, может быть, даже странный вопрос.

Как Вы считаете, есть ли общие признаки или характеристики трактовки и объяснения понятий «хаос» и «свобода»?

И в том, и в другом случае это неопределенность?

Это тем более важно, что естествоиспытатели уже нашли какие-то объяснения, представления о хаосе.

Какое Ваше мнение?

Момджян К.Х.: Вы знаете, я полагаю, что свобода порождает неопределенность и связанный с ней хаос, но эти понятия далеко не тождественны.

Дело в том, что хаотические взаимодействия вполне возможны в природе.

Однако характеризовать их нужно, используя категории вероятного, необходимого и случайного.

Но не категорию свободы, которая, по моему глубокому убеждению, в физических и биологических системах отсутствует.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Мецо Юрьевич, пожалуйста.

ИГИТЯН М.Ю. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ИГИТЯН М.Ю.

преподаватель МГИМО МИД России, президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия»

Игитян М.Ю.: Я тоже хочу поблагодарить за интересный доклад.

Вы несколько раз упоминали примеры о рабах и их внутренней свободе в принятии решения.

По мнению Цицерона, раб не хочет обрести свободу, а хочет иметь собственных рабов.

Вы согласны с ним или нет?

Момджян К.Х.: Это в статистической выборке.

Я готов согласиться, что большинство рабов, возможно, мыслит так.

Но Спартак точно к этому разряду не относится.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сергей Вячеславович Калашников, бывший министр труда, в прошлом депутат Государственной думы. Пожалуйста, Сергей Вячеславович.

проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., проф., заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Я также не могу не выразить восхищения докладом, но у меня такой вопрос.

Не кажется ли Вам, что Ваши прекрасные сложные построения, в общем-то, разбиваются критикой Эриха Фромма в психологии?

А именно положением Фромма о том, что свобода есть конкуренция потребностей личности?

Момджян К.Х.: Я никак не могу с этим согласиться.

Я тоже связываю свободу с потребностями.

Но я полагаю, что свобода человека состоит не в свободе от потребностей, а в способности ранжировать потребности.

Калашников С.В.: Я и говорю о конкуренции.

Момджян К.Х.: Да, да, и это есть, несомненно, свобода.

Калашников С.В.: Так это и есть конкуренция потребностей?

Момджян К.Х.: Возможно, но нужно учесть, что в этой конкуренции потребности никуда не исчезают.

Вы просто стоите перед выбором, что для вас в большей степени актуально: безопасность или свобода – что вы хотите сохранить?

У вас есть и та потребность, и эта потребность, и ни одну из них вы не можете отменить.

А вот установить ценностный приоритет, сказать, что эта потребность для меня актуальнее, чем та потребность, можете.

И мы делаем это повседневно и ежеминутно.

Калашников С.В.: Так это и есть свобода?

Момджян К.Х.: Это и есть свобода, безусловно.

Калашников С.В.: Это то, что я сказал. Хорошо. Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кстати, мы каждый раз этот выбор осуществляем.

Потому что любая посадка в самолет или в какие-то другие средства передвижения – это риски.

Мы выбираем: свобода передвижения или безопасность?

Сидеть дома, правда, тоже не очень безопасно, но безопаснее, чем летать.

Момджян К.Х.: Да, ежеминутный потребностный выбор – это состояние человека.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Алексей Саватюгин.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Карен Хачикович, спасибо за прекрасный, как всегда, доклад.

У меня очень простой вопрос на понимание понятия.

Вы начали с того, что будете рассматривать свободу с социально-философской точки зрения, а не с других, то есть свободу человека в обществе.

Я экономист.

У экономистов есть такая простейшая модель людей, которая называется «экономика Робинзона».

Когда он на острове, где нет обмена и распределения, он сам себе врач, сам себя кормит до того, как встретил Пятницу.

Так вот, Робинзон, в Вашем понимании, это абсолютно свободный человек?

Или, наоборот, несвободный?

Он там может делать все, что хочет?

Момджян К.Х.: Вы знаете, начну с того, что абсолютной свободы не бывает ни внешней, ни внутренней.

Это всегда определенное состояние, если мы говорим о внешней свободе.

Робинзон свободен в той мере, в которой он способен реализовывать цели, которые он хочет реализовать.

Если такая возможность у него есть, это достаточное основание, чтобы констатировать наличие свободы.

Если нет, значит, нет.

Это простой критерий, и мне кажется, здесь ничего выдумать нельзя.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Павел Алексеевич.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МОМДЖАН К.Х.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо за доклад, безусловно, интересный.

Мой вопрос отчасти задал Алексей Львович.

Я правильно понимаю, что надо говорить не о свободе, а о свободе на 34%, на 8%?

Это первый вопрос.

Вы сказали, что люди в тюрьме не имеют возможности свободно выбирать пищу.

Я коллегам рассказывал, что в 1956 году я общался с большим количеством бывших заключенных, которые из тюрьмы, из лагеря через Москву ехали к себе домой и останавливались у нас, в нашей московской комнате на день-два в ожидании своего поезда.

Они мне рассказывали, что возможности выбора пищи во время их сидения очень сильно менялись.

Во время войны это был кошмар.

О выборе невозможно было даже подумать, а после 1953–1954 года появилась некоторая слабость.

Стали приходить продуктовые посылки от родственников, наладилась очень примитивная торговля.

Сделались ли заключенные более свободными?

Вообще-то люди о войне и о тюрьме не рассказывают, но я их случайно подкупил: за некоторое время до того, как они стали приезжать, я за одну ночь 86-м перышком переписал документ, про который думал, что это речь Хрущева на XX съезде.

На самом деле это была жалкая выжимка из этой речи, но ни я, ни тем более они этого не знали.

Я давал ее им читать, и это развязывало языки.

Мой вопрос – я нарушал их свободу?

Они были склонны молчать, а я с помощью 86-го перышка побуждал их говорить.

Момджян К.Х.: Первое, относительно свободы на 3%.

Я сказал и повторю: я считаю, что свобода – это интегральное состояние.

Она в процентах не измеряется: если вы не свободны, то вы не свободны.

Если вы сидите в тюрьме, то, как бы хорошо вас ни кормили, вы сидите в тюрьме, и вы не свободны даже в гастрономическом отношении.

Скажем, сегодня вам дали кашу с сахаром, но я задам вопрос: это то, что вы мечтали съесть?

Можете ли вы съесть то, что вы хотите съесть, – скажем, перепелов из ресторана?

Если у вас такой возможности нет, значит, нет и свободы.

Не надо себя обманывать.

Это просто приличные условия рабского содержания, и не более того.

Но относительно того, нарушили ли Вы свободу человека, задав ему вопрос...

Медведев П.А.: Нет, не задав вопрос, а дав прочитать документ.

Момджян К.Х.: Мне не кажется, что это какое-то нарушение свободы.

Наоборот, Вы предоставляете человеку возможность расширить свой ментальный горизонт.

Какое здесь нарушение свободы?

Медведев П.А.: Человек молчит, просто как партизан.

Ни слова не выдавишь.

Вдруг я даю эту бумагу, он ее читает – и начинает со мной разговаривать.

Я ведь сломил его волю.

Момджян К.Х.: Да, Вы дали ему новую информацию.

Которую он оценил, которую он соотнес со своими потребностями и сделал осознанный выбор в пользу откровенного разговора с Вами.

Это его решение. Он свободен.

Тосунян Г.А.: Насчет того, что, если перепелок не дают в тюрьме, значит, это рабское существование...

Но здесь Вам тоже перепела не дают.

То есть, если вы не получаете желаемого, это уже несвобода?

Момджян К.Х.: У меня нет претензий на получение перепелов, Гарегин Ашотович.

Поэтому я не рассматриваю их отсутствие как ограничение моей свободы.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Медведев П.А.: Можно я дополню свой вопрос?

Тосунян Г.А.: Пожалуйста.

Медведев П.А.: В раннем детстве два раза в год я ел паюсную икру, потому что мама покупала ее на Новый год и на День Победы.

Теперь я паюсной икры не вижу.

Я утратил часть свободы?

Момджян К.Х.: Мне кажется, да.

Это потребительская свобода в ситуации, когда Вы не можете позволить себе потреблять то, что Вы хотели бы потреблять.

Это, конечно же, ограничение свободы.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Но такой ответ вызывает возражение.

Невыполнение всех ваших капризов не есть ограничение вашей свободы.

В противном случае все наши женщины абсолютно несвободны, поскольку выполнить все их капризы невозможно!

Юлия Борисовна Епихина из Института социологии, пожалуйста.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Епихина Ю.Б.: Я с большим интересом прослушала Ваш доклад.

Особенно меня заинтересовала та часть, в которой Вы рассказывали о дискуссии со студенткой.

У меня в связи с этим два небольших вопроса.

Скажите, пожалуйста, как Вы считаете, Вы и студентка в момент дискуссии находились в равной ситуации свободы?

Вы как преподаватель сейчас более свободны, чем тогда, или менее?

Момджян К.Х.: Вы знаете, я Вам скажу, что сейчас я менее свободен как преподаватель.

И это не связано с состояниями моей ментальности, это связано с категорическим и катастрофическим ухудшением контингента учащихся.

Я не имею возможности реализовывать мысли, которые хотел бы реализовать, потому что большинство студентов, которые даже Дюма не читали, не в состоянии меня понимать.

Это, естественно, ограничение свободы.

Что касается полемики со студентами, я исхожу из того, что в этой полемике мы на равных.

Я осознанно выношу за скобки свой статус преподавателя.

Если бы студентка сумела убедить меня в своей правоте, я признал бы это обстоятельство и не считал бы это ущербом для моего достоинства и свободы.

Епихина Ю.Б.: Когда во время эксперимента Вы говорили, что студенты возьмут девушку за руки и за ноги и будут производить эти движения, Вы были уверены, что они это сделают?

Что было бы, если бы они отказались участвовать в Вашем эксперименте, сказав, что это же насилие, мы не будем этого делать?

Момджян К.Х.: Я никогда не допустил бы практической реализации этого эксперимента.

Просто логическая игра, не более того.

Епихина Ю.Б.: Но Вы допускаете, что она могла бы не получиться, что студенты могли сказать: нет, мы не будем этого делать?

Момджян К.Х.: Ну да, и это будет проявлением их свободы.

Но тогда дайте мне возможность найти людей, которые согласятся это сделать.

Это ситуацию, в принципе, не меняет.

Медведев П.А.: Я правильно понимаю, что Ваши современные студенты более свободны, чем предыдущие?

Потому что предыдущие под давлением общественного мнения должны были читать Дюма?

Момджян К.Х.: Мне кажется, что они глупее.

Если это интерпретировать как свободу быть дураком, то Вы правы.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Академик Ушаков Дмитрий Викторович, пожалуйста.

акад. УШАКОВ Д.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

УШАКОВ Д.В.

акад. РАН, д. психол. н., проф., директор Института психологии
РАН, заведующий кафедрой общей психологии факультета
психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Ушаков Д.В.: Карен Хачикович, спасибо большое. Очень красивая система, интересная.

Я хотел бы соотнести внутреннюю и внешнюю свободу с индексами свободы, с которых начал Гарегин Ашотович.

Скажите, пожалуйста, можем ли мы, условно говоря, построить индекс внутренней и внешней свободы?

Когда Блок говорит о тайной свободе: «Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе», – нет ли в обществе некоего соответствия между культурно формируемой, если она культурно формируется, внутренней свободой и тем, что затем мы имеем как внешнюю свободу или несвободу?

Момджян К.Х.: Мне трудно Вам ответить, потому что я согласен со всем, что Вы сказали.

Безусловно, можно выстроить рейтинги внешней свободы.

И, как я понимаю, это делает ООН, имея к этому все основания.

Ушаков Д.В.: То есть свобода измеряется?

Момджян К.Х.: Свобода измеряется.

Общество, в котором человек доживает до 30 лет, предоставляет меньшие возможности для свободы, чем общество, в котором он доживает до 80.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Следуя желанию лишить Вас возможности соглашаться со всем, что говорит оппонент, я предоставляю слово Владимиру Сергеевичу Кржегову.

Так что на этом вопросы в Ваш адрес пока заканчиваются, теперь будет выступление.

Прошу Вас, Владимир Сергеевич, в Вашем распоряжении 20 минут.

СОДОКЛАД ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н.

Уважаемые коллеги, я благодарен за предоставленную возможность представить свои соображения по поводу проблемы свободы.

Проблемы, которая принадлежит к числу предметобразующих проблем философского знания.

Но начать я позволю себе с констатации некоторой непоследовательности в рассуждениях моего содокладчика.

Я никак не могу понять, почему Спартак, погибший в борьбе с неодолимым в его эпоху рабством, предстает в его рассуждении как герой, а люди, которые пытаются в России установить демократию при существующих (не самых благоприятных) условиях, характеризуются как какие-то недоумки.

По-моему, здесь явная непоследовательность.

Что касается используемых ключевых понятий, общепризнано, что их возможно более строгое определение является важным условием получения достоверного знания.

Одним из таких понятий является понятие «потребность», и нужно отметить, что я определяю его иначе, чем оно определяется в докладе Карена Хачиковича.

Небезынтересно, что мое определение – то самое, что дано в учебнике, им написанном: **потребность – это свойство человека нуждаться в необходимых условиях и средствах для поддержания своей жизни.**

Ключевая характеристика – «необходимые».

Отсюда следует, что человек не может не удовлетворять своих потребностей – «двойное отрицание» позволяет подчеркнуть, что в этом отношении он не свободен.

Качественное своеобразие человека, истоки его свободы в другом – в особом способе поддержания его жизни.

В отличие от других видов, человек не получает средства жизнеобеспечения в процессе прямого обмена веществ со средой, а создает эти средства своим производительным трудом.

И потому его свобода – точнее, ее мера, количество – варьирует от эпохи к эпохе, вместе с изменением энерго-технологической вооруженности труда.

Момджян К.Х.: А по поводу отказа от удовлетворения потребностей (от celibата до самоубийства) – как с этим быть?

Кржевов В.С.: В моем понимании это не свобода.

Да, известно, что во многих философских трактатах способность человека добровольно уйти из жизни расценивается как высшая форма его свободы – поскольку никакой другой вид жизни на это не способен.

Но даже если согласиться с таким пониманием, мы, что называется, далеко не уедем: суть интересующей нас проблемы – в наличии или отсутствии у человека способности свободно действовать, действовать по своему усмотрению, а уход из жизни влечет за собой полную утрату самой возможности действовать.

И еще одно: умереть по своей воле может только отдельный индивид – даже если самоубийство в определенный момент совершено группой, такое решение принял и исполнял каждый член этой группы по отдельности.

Но ведь нас интересует, что такое свобода человека как «родового существа», или иначе: является ли свобода решений и действий неотъемлемым признаком качественного своеобразия человека – тем, что выделяет его из мира жизни, так сказать, «чисто органической».

Поэтому, даже признавая акт самоубийства выражением свободы отдельного человека (что, вопреки уверенности многих, далеко не самоочевидно), мы в решении занимающего нас вопроса никак не продвинемся.

Теперь я перейду к основному содержанию своего доклада.

Начать хочу с великих стихов: «Я свободе, как закону, обручен, и потому эту легкую корону никогда я не сниму».

В этих строках Мандельштама ощущается полная уверенность в том, что он знает, что такое свобода – нечто с ним неразрывно связанное, некая непрменная личная его принадлежность.

И этому знанию, этой уверенности можно лишь позавидовать, потому что рациональных аргументов для обоснования такой уверенности у нас пока нет, как уже было сказано Гарегином Ашотовичем.

А еще есть замечательная фраза Станислава Ежи Леца: «Свободу симулировать нельзя».

Но ведь для того, чтобы ее нельзя было симулировать, нужно знать, что такое свобода, а это как раз и является проблемой.

Общепризнано, что философия ищет ответы на фундаментальные, основополагающие вопросы, и этим объясняется ее востребованность.

Наиболее востребованной философия становится в эпоху кризисов, отвечая стремлению выяснить

причины происходящего и определить возможные пути выхода из создавшейся ситуации.

В такие времена проблема свободы человека закономерно оказывается в центре внимания.

Но прежде чем перейти к осмыслению существа этой проблемы, нужно несколько слов сказать о методологии исследования.

Многие и многие авторы согласны в том, что особенностью философии является рассмотрение исследуемых вопросов на максимальном уровне обобщения, в силу чего ею используются категории высшей степени абстракции.

Важную роль играет также осмысление взаимополженности категорий философского языка, логических связей между ними – это позволяет отчетливо увидеть категориальный аппарат философии как единую систему.

Своего рода образцом здесь служит триада категорий «общее – особенное – единичное».

При решении конкретных задач познания это триединство используется для уяснения качественного своеобразия того отдельного, определенным образом выделенного объекта, на который направлены познавательные устремления человека.

Общее позволяет выявить родовую природу такого объекта, его принадлежность к известному классу явлений; особенное указывает на специфические черты, характерные для подклассов внутри установленной общности; наконец, единичное устанавливает уникальные характеристики, присущие только этому отдельно взятому экземпляру.

Проиллюстрировать эвристический потенциал этого метода можно на опыте решения проблемы, нередко занимающей умы философов, – проблемы уникальности,

или, как порой выражаются, неповторимости бытия каждого человеческого существа.

И тогда выясняется, что любой человек – кто бы он ни был – принадлежит к родовой общности *Homo sapiens*, далее фиксируются те его особенные черты, что позволяют отнести его к какой-либо общности (группе) человеческих существ (расовой, половой, возрастной, культурной и так далее), и наконец, выявляется то, что присуще ему одному, и никому другому.

Нетрудно видеть, что полный ответ на вопрос об уникальности отдельного человека можно дать, только используя эту логическую операцию: уникальность определяется посредством соотнесения с родовыми и особенными чертами.

То, что мы сегодня слышали по ходу полемики, на мой взгляд, демонстрирует целесообразность именно такого подхода.

Коль скоро нас занимает феномен свободы, нужно сначала постараться максимально строго определить общее содержание того понятия, при помощи которого мы этот феномен описываем и тем самым осмысляем его как чужественное своеобразие.

Для ясности ограничим поле нашего внимания миром деятельности человека, или, как порой говорят, миром социальных событий.

Только наблюдая и сравнивая множество внешне сходных ситуаций, мы сможем понять, имеем ли мы дело с проявлениями свободы, или, наоборот, анализ вынудит нас прийти к выводу о ее отсутствии.

Именно это и определяет основное содержание нашего сегодняшнего обсуждения.

О многозначности понятия свободы в истории философской мысли было сказано очень много.

В различного рода энциклопедиях и словарях насчитывается примерно 200 несходных определений термина «свобода».

Среди прочего свободу трактуют как отсутствие внешних детерминант, однозначно определяющих человеческие поступки.

Наряду с этим – и это опять определение, широко распространенное в словарях, – свободу соотносят с необходимостью.

Как правило, такое соотнесение представало в форме дизъюнкции – свобода противопоставлялась необходимости по формуле «или – или»: там, где реализуется необходимость, нет и не может быть свободы.

Иными словами, свобода могла быть мыслима только за пределами сферы необходимости, а это были пределы того реального мира, в котором обитал человек.

Так мыслили соотношение этих категорий и отображаемых в них феноменов многие классики философии, в том числе И. Кант.

Как мне представляется, соотносить категории свободы и необходимости совершенно правильно, но делать это в форме жесткой дихотомии ошибочно.

Ведь еще Спиноза и Гегель в свое время совершенно иначе определяли это соотношение, «снимая» жесткую дизъюнкцию и подчеркивая, что «свобода есть осознанная необходимость».

Но коль скоро свобода и необходимость не являются собой абсолютных противоположностей, нет нужды мыслить свободу как нечто сущее лишь в особой, «внеприродной» сфере бытия.

Напротив, свобода может и должна пониматься как одна из форм бытования необходимости в мире, как одна из форм ее реализации.

Это положение и будет ключевым во всем моем дальнейшем изложении.

Для возможно более ясного понимания существа возникающих здесь вопросов имеет смысл более внимательно рассмотреть, как решалась проблема свободы в философии Канта.

Он исходил из широко распространенного – и в его время, и много раньше – представления о том, что поскольку мир природы подчинен закону причинности, а связь причины и следствия – это связь однозначно необходимая, то мир этот в своем движении являет собой сеть жестких зависимостей, обуславливающих ход и исход всех событий.

Эта концепция известна под именем абсолютного, или «лапласовского» детерминизма.

П.С. де Лаплас, математик и астроном, тоже разделял общее для большинства ученого мира того времени убеждение, что движение мироздания определяет универсальный закон причинности.

Для получения достоверного знания о конкретных событиях следовало подставить в общую формулу этого закона значения, характеризующие причинные связи «здесь и теперь».

В целом же мир представал в образе своего рода детерминированного автомата, состояние которого, в принципе, можно было точно вычислить для любой точки времени – в прошлом, настоящем и будущем.

Однако поскольку человек в силу своей неодолимой ограниченности не может обладать полным знанием,

нужным для правильного понимания хода событий, в умах людей возникло представление о «случайности».

Представление это заведомо ложное.

Случайными именовались события, причины которых были людям неизвестны, в действительности же случайностей не существует: по определению того же Лапласа, то, что человек называет «случайным», всего лишь выражает «меру человеческого незнания».

При последовательном рассуждении движение мира являет собой процесс постоянного исполнения необходимости – свобода в таком мире совершенно невозможна, а потому представления людей о наличии у них свободы воли не более чем иллюзия.

Для Канта такое понимание было совершенно неприемлемо: он был глубоко верующим христианином и уже только поэтому не мог отрицать догмат Священного Писания, утверждающий, что Бог создал человека свободным.

Вместе с тем Кант не хотел отказываться и от позиции науки, которая в XVIII веке уже обладала достаточным авторитетом.

Философ пытался найти какое-то решение, какой-то выход из этого, в его понимании, немыслимого противоречия.

И он нашел такой выход – правда, весьма своеобразный.

Согласно его концепции, и мир, и человек существуют в двух ипостасях.

Есть мир, явленный человеку и мыслимый им как «природа», – мир феноменальный.

Этот мир существует по закону причинности.

Но вместе с тем и мир, и человек могут мыслиться в ином качестве – ноуменальном.

В этом ноуменальном мире закон причинности перестает действовать, а человек становится свободным.

При этом для Канта быть свободным означало быть обязанным следовать высшему закону этого мира – закону нравственности, закону Долга.

Это ключевое положение: человек свободен только тогда, когда он следует закону Долга, причем в этом отношении у свободного человека, опять же, нет выбора: или он своим свободным решением и действием исполняет то, чего требует Долг, или он свою свободу утрачивает – перестает быть свободным.

При этом Кант начинал свое рассуждение с весьма значимого положения – он утверждал, что первый акт свободной воли непременно будет актом воли злой: следуя своей «дурной природе» и не желая брать на себя бремя Долга, человек совершает свободный выбор в пользу несвободы, сохраняя себя как подчиненное необходимости «природное существо».

Во всем этом нетрудно разглядеть мотивы Священного Писания: выраженные в нем мифологические представления о мире и человеке Кант «переводит» на язык философских категорий.

Непреодолимый дуализм этой концепции делал уязвимым все построение: нельзя было понять, как «природный», то есть подчиненный необходимости человек в то же время является существом свободным, в принципе способным совершить выбор в пользу закона Долга.

Эти два положения в философии Канта просто объединялись, оставаясь логически несовместимыми.

Максимум, что в итоге позволил себе Кант, – сказать, что в феноменальном мире люди, не будучи свободными, действуют так, «как если бы они были свободными».

Более последовательной представлялась картина мира, осмыслению которой служили законы механики, наглядно воплощавшиеся в движении звезд и планет.

В силу чего в науке, как было сказано, длительное время сохранялось представление о мире как о детерминированном автомате, вынуждавшее отказаться от идеи свободы человека, – ценой сохранения идеи свободы становился отказ от строго последовательного рассуждения².

Однако с проникновением науки в область микромира появилась квантовая физика, где было доказано, что поведение микрочастиц принципиально вариативно.

Это новое понимание требовало создания иной картины мира – такой, где признавался объективный характер вероятностного хода событий.

В этом плане чрезвычайно интересна полемика создателей квантовой физики Вернера Гейзенберга и Нильса Бора с Альбертом Эйнштейном.

Широко известна фраза Эйнштейна о том, что он «не верит в играющего в кости Бога».

² Как замечает в этой связи Б.Г. Капустин, Кант в последних работах начал осознавать неразрешимость противоречия, возникающего при попытках совместить принцип свободы воли и идею фатальной предопределенности причинно-обусловленного хода событий, – осуществить то самое «невозможное трансцендентирование феноменального», а иначе говоря, разорвать мыслимую неразрываемой «цепь причин и следствий, неизменную ни в одном своем звене» // Капустин Б.Г. Зло и свобода. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.

Иными словами, предлагаемую квантовой механикой статистическую картину поведения объектов микромира он, следуя укоренившемуся представлению, расценивал как выражение неполноты человеческого знания.

Человек использует язык статистических описаний и разрабатывает статистические прогнозы лишь там и тогда, где и когда не располагает необходимой полнотой информации.

Эти разногласия классиков теоретической физики выражали различия в понимании требований научного метода, сформулированных в нем критериев объективной достоверности знания.

В итоге уже на уровне философского осмысления пришли к пониманию правоты создателей квантовой механики.

Мы теперь знаем, и об этом написано достаточно много работ, что мир, в котором мы живем и частью которого являемся, представляет собой единую неразрывную сеть взаимосвязей, сеть взаимодействий.

Но в этой сети существуют разные, если можно так выразиться, уровни мощности.

Вот что пишет об этом известный физик Дэвид Бом: «Все события во Вселенной до некоторой степени взаимосвязаны, пусть даже очень слабо. Всё может иметь множество причин, однако их действие сказывается в разной степени.

Тем самым возникает задача выявления причин существенных, тех, которые оказывают ощутимое влияние на наблюдаемый результат³.

³ Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1957.

По сути дела, ту же самую позицию занимает Карл Поппер, рассуждая о новом понимании принципа причинности и совершившемся пересмотре нашего мировоззрения⁴.

Релевантной становилась принципиально иная концепция, не принимающая идею абсолютной причинности и потому избавленная от нужды прибегать к представлению о «разрыве причинной цепи», якобы только и открывавшем возможность «начинать новое состояние».

Также было пересмотрено определение понятия «причина»: причина – это взаимодействие структурных единиц материи, а следствие – законосообразный обмен результатами.

Решающее значение приобретал учет уровня сложности организации.

Все это открывало новые возможности для понимания свободы человека: теперь не нужно было, подобно Канту, утверждать, что человек обретет свободу, только разорвав цепи необходимости, привязывающие его к внешнему миру.

Теперь его свобода понималась как способность деятельно изменять характеристики некоторых компонентов процесса, в котором он соучаствовал.

Но изменения эти человек был способен произвести, только сообразуясь с объективными свойствами того «материала», с которым ему приходилось иметь дело.

В самом общем плане – свои цели человек мог реализовать, действуя лишь сообразно законам движения материи, его свобода не была свободой их нарушения.

А «последней целью» человека как родового существа – той, которая в конечном счете направляла его дей-

⁴ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

ствия, – было, как уже сказано, самосохранение – поддержание своей жизни.

В этом отношении поведение человека, как и поведение всех прочих живых существ, необходимо должно было быть поведением адаптивным: выживание требовало приспособления к наличным условиям и параметрам среды обитания.

Но эту задачу человек решал существенно иначе, чем представители других видов жизни.

В этой связи Н. Бор отмечает: «Только у человека специализация приняла другое направление.

Его нервную систему, делавшую его *способным к мысли и речи*, можно считать особым органом, при помощи которого человек способен к гораздо большему диапазону действий в пространстве и времени, чем животное.

Он может вспоминать о том, что было, и может предвидеть вероятное будущее.

Он может представлять себе, что происходит на далеком расстоянии от него, и может пользоваться опытом других людей.

Поэтому он в определенном смысле обладает намного большей гибкостью и приспособляемостью, чем животное, и имеет смысл говорить, что [человек] специализируется в сторону развития гибкости»⁵ (курсив мой. – В.К.).

Те же, в сущности, идеи высказывали биолог Я. фон Иксюль, физик Э. Шрёдингер, философ Э. Кассирер и ряд других ведущих мыслителей XX в.

Такой разворот проблемы позволяет перейти к вопросу о природе человеческого мышления и его участия в жизнедеятельности Homo sapiens.

⁵ Гейзенберг В. Часть и целое. Дискуссия о языке. М.: Наука, 1989. С. 258.

Прежде всего принимается положение, что способность мышления у человека понимается не как следствие божественного дара, а как результат эволюции, где действует принцип (и, если угодно, «механизм») отбора более приспособленных.

Вместе с тем деятельность человека была планомерной далеко не в полном объеме, многое оставалось за пределами осознанного контроля: нередко люди инициировали изменения, не представляя последствий своих действий, особенно последствий отдаленных.

Кроме того, мышление давало человеку не только преимущества: способность мысли формировать иллюзорные картины действительности создавала новую, неизвестную живой природе опасность дисбаланса между действиями людей и законами объективного мира.

История свидетельствует, что нередко предпринимались попытки реализовать представления сугубо иллюзорные, то есть сделать то, что объективно сделать было невозможно.

«Предельным случаем» такого рода усилий были попытки построения «вечного двигателя».

Располагая в течение долгого времени лишь весьма ограниченными знаниями, понять это люди были не способны.

При этом решающее значение имело то, что реализация такого рода проектов всегда влекла за собой бесполезную растрату ресурсов – как физических, так и человеческих⁶.

А вот в плане решения главной задачи – обеспечения устойчивого поддержания жизни – все это вызывало последствия сугубо негативные (разве что считать полу-

⁶ Поэтому, с моей точки зрения, ситуации, когда человек «может делать, но не может сделать», вряд ли правильно квалифицировать как форму человеческой свободы.

ченный отрицательный опыт ценным приобретением, по крайней мере, создававшим для следующих поколений возможность избежать ошибок предшественников).

Пока люди располагали скромными возможностями воздействия на среду обитания, этими новыми угрозами можно было пренебречь – они попросту не осознавались.

Вместе с тем, по мере роста численности человечества и развития орудийной и энергетической оснащенности деятельности людей, риски становились все более значительными, угрозы возрастали, порой приобретая масштабы поистине катастрофические.

Отсюда со всей очевидностью следовало, что шансы на успех в решении задачи устойчивого самоподдержания жизни рода людского становились более основательными лишь по мере расширения объема располагаемой информации, причем информации именно достоверной, что только и позволяло превратить действия, дотоле стихийные, совершаемые методом «проб и ошибок», в усилия, планомерно направляемые к реализации поставленной цели.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что люди в большинстве своем все еще не располагают необходимой информацией, а потому пытались и пытаются решать задачи, которые решению не поддаются.

В плане занимающего нас вопроса это означает, что актуально человек все еще довольствуется минимумом свободы – по сравнению с той потенциальной, которая ему в принципе доступна как мыслящему существу, обладающему свободой не только хотеть, но и сделать.

Как надеялись многие классики философии, именно развитие мышления должно было все больше и больше способствовать преодолению такого положения.

Преодолению ровно в той мере, в какой человек умножал свои достоверные знания, получая возможность

ограничить свой произвол и тем самым умножить меру своей свободы.

С этих позиций (но опуская многие важные подробности) мы можем теперь перейти к вопросу о том, что такое свобода воли и как связаны между собой воля и знание.

Согласно одному из определений, данных Кантом, воля человека – это его действие⁷.

Однако вряд ли возможно без возражений принять такую трактовку.

Воля – это идеальный побудительный импульс, тогда как действие совершается в мире материальном, это некое целенаправленное преобразование человеком объекта с затратой энергии и порой – вещества.

Чтобы ярче оттенить суть этого важнейшего различия, скажем, что старая поговорка «Вера горами движет» – не более чем яркая метафора.

Если уж буквально, «горами» движет не вера, а вдохновляемые и направляемые верой люди – субъекты предметно-практической деятельности.

Так мы вновь оказываемся перед классическим философским вопросом, некогда чрезвычайно занимавшим все того же Канта: каким образом то, что происходит в идеальном мире, может вызывать изменения в мире материальном?

Философии следовало найти внятное объяснение способности мысли – то есть начала нематериального, не обла-

⁷ «...воля... это способность... создавать предметы, соответствующие представлениям...» (курсив мой. – В.К.) (Кант И. Критика практического разума. М., 1965. С. 17).

дающего никакими физическими измерениями – оказывать причиняющее воздействие на ход материальных событий.

Для Канта исходным положением было то, что в этих двух мирах – идеальном и материальном, в каждом в отдельности – действует свой особый тип причинной связи, «когда из предыдущих состояний можно вывести последующие»⁸.

При таком понимании динамика состояний физического объекта (мозга или всего организма) и динамика психических состояний – это процессы параллельные, и общих элементов, моментов пересечения между ними нет.

С этих позиций ни способность мозга рождать мысли, ни способность мысли управлять поведением «материального тела» логическому объяснению не поддавались.

При этом и несомненную, многократно зафиксированную многочисленными наблюдениями и даже экспериментами зависимость психических состояний от состояния мозговой ткани объяснить тоже было нельзя.

Нетрудно видеть, что здесь мы получаем новый разворот проблемы соотношения необходимости и свободы.

Хотя возникавшая здесь проблема получила название «психофизической», в действительности проблема эта глубоко философская – это проблема природы идеального.

Ее многократно предлагавшееся и весьма соблазнительное в своей «очевидности» решение состояло в том, что принималось аксиоматическое допущение о существовании особой идеальной субстанции, способной «отчуждать» себя в материальные предметы и направлять их движение.

⁸ Там же. С. 21.

Законченным воплощением этого понимания является философская система Г.В.Ф. Гегеля.

Однако такое решение не могло быть принято в современной науке, поскольку оно не соответствует одной из наиболее существенных ее методологических установок.

Речь о так называемом «принципе каузальной замкнутости»: при поиске объяснения происходящего в материальном мире нельзя допускать действие имматериальных факторов.

Весьма ироничную критику объяснений, использующих понятие идеальной субстанции, дал в своей книге «Биология добра и зла» известный нейробиолог Роберт Сапольски⁹.

Обращаясь к вопросу о свободе воли, о том, как эта идея выглядит в свете современных знаний о структуре мозга человека и его функционировании, Сапольски пишет, что сообразно такому допущению получается, что в ткани мозга – совершенно материальной структуре – присутствует что-то или, скорее, кто-то – какой-то «гомункулюс».

Частью мозга он не является, но тем не менее обладает возможностью независимо от состояния мозга принимать решения и руководить поведением человека.

Если же мы не принимаем этой достаточно экзотической картины, получается, что **поведением человека управляет все-таки мозг – совершенно материальное образование, которое подчиняется всем законам поведения материальных объектов.**

Резюмируя все это, я хочу подчеркнуть, что, по всей видимости, все же не случайно, что многие со-

⁹ Сапольски Р. Биология добра и зла. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

временные исследования в области нейрофизиологии вопрос о свободе воли практически снимают.

Позиция их авторов в том, что свобода воли в принципе невозможна, потому что вновь «или – или».

Или вы признаете единство материальных процессов, или должны допустить участие какой-то им-материальной субстанции, тем самым изменяя фундаментальным основам научного знания.

Нельзя не сказать, что такую постановку вопроса разделяют многие ученые, в особенности занятые нейро-физиологией.

Подобный подход называют физикализмом.

Однако это объяснение в свою очередь решительно не принимает столь авторитетный ученый, как В. Гейзенберг¹⁰.

Его позиция в том, что, хотя невозможно отрицать, что физические процессы в мозге имеют отношение к психическим, все же нельзя согласиться, что изучение одной лишь физики мозга способно дать исчерпывающие знания для объяснения психических явлений.

Учитывая столь серьезные расхождения, можно понять, почему в современной философии более чем активно обсуждается так называемая «трудная проблема сознания».

Этой проблеме посвятил свою работу наш коллега Вадим Васильев¹¹.

Предлагаемое им решение в том, чтобы представить мышление как особого рода алгоритмическую деятельность.

¹⁰ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.

¹¹ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Тогда ответ на вопрос, как мозг может быть основой такой деятельности, сводится к выяснению того, каким образом в нем инсталлированы те или иные знаковые структуры.

Такие инсталляции достигаются по мере запоминания информации, закодированной в словах человеческого языка, благодаря чему определенные ячейки мозга обретают характер знаковых структур – носителей информации.

Теперь и спонтанная активация мозга, и его реакция на входящие импульсы совершаются уже не только по законам физиологии, но также сообразно закрепленным в памяти смысловым значениям.

Это называется «эффekten квалиа».

К сожалению, приходится признать, что все вопросы таким образом не снимаются.

Главная проблема все-таки остается – проблема невозможности ответить на вопрос, каким образом идеальные компоненты влияют на ход и исход физических событий.

Близкое по смыслу решение разрабатывает Давид Израилевич Дубровский¹².

Для того чтобы выйти из противоречия и не прибегать к экзотической картине действующего гомункула, он предлагает использовать категорию информации.

Суть его подхода в том, что идеальные компоненты информации, то есть смыслы знаков, не образуют какой-то особой субстанции, отличной от ткани мозга.

Физические элементы ее субструктуры служат знаками, носителями смысла слов и языковых выражений, то есть функционируют в качестве своего рода текстов,

¹² Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002.

которые «записаны» в ячейках мозга – подобно графическим знакам в тексте на бумаге или ином материале.

Формируются такие ячейки в итоге обучения в виде следов, сохраняемых в мозговой коре после многократных воздействий – сначала звуками речи, а потом письменными знаками.

Такие подходы позволяют преодолеть некоторые доводы нейрофизиологов и сохраняют в силе положение о свободе воли человека.

В заключение скажу, что, хотя я далеко не специалист, с учетом сказанного доводы нейрофизиологов не представляются мне исчерпывающими.

Думаю, что на сегодня вопрос о свободе воли – это вопрос открытый.

Но чтобы решить его, нужно начать с признания того, что достоверного решения у нас пока нет.

Нужно перестать довольствоваться декларациями о том, что свободы воли нет, потому что ее не может быть, равно как и возражениями, сводящимися к тому, что иного мы ничего помыслить не можем, потому что это-де обрушит все основы человеческого существования.

Еще раз хочу повторить: нужно понять это как проблему, нужно искать ее решение, продолжая исследования, не замалчивая трудностей, в частности, не отбрасывая аргументы нейрофизиологов, поскольку, опять же в меру моего понимания, они весьма серьезны и требуют осмысления.

Остается только всем нам пожелать, чтобы эта проблема была решена в достаточно близком будущем.

Проблема эта, вне всякого сомнения, принадлежит к числу узловых, и от того или иного ее решения зависит очень и очень многое в ближайших судьбах человечества.

Прежде всего это касается проблематики основ социальной организации, образующих принципов правопорядка и тому подобного.

Прибегну к небольшой иллюстрации.

Одним из основополагающих установлений современного права является положение: если человек признан психически невменяемым, он не считается свободным в своих действиях и не подлежит юридической ответственности.

Это весьма серьезное подтверждение того, какое конкретное значение в делах людей может иметь то или иное решение философской проблемы свободы воли.

Благодарю за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Владимир Сергеевич.

Коллеги, пожалуйста, вопросы.

Профессор Куликов Николай Иванович из Тамбовского университета, Вам слово.

**д. э. н. КУЛИКОВ Н.И., акад. ТОСУНЯН Г.А.,
к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.**

КУЛИКОВ Н.И.

д. э. н., профессор кафедры экономики Тамбовского
государственного технического университета

Куликов Н.И.: Добрый день, уважаемые коллеги!
Вопрос у меня такой.

Вы сказали, Владимир Сергеевич, что случайностей не бывает.

Как следует из Вашего высказывания, просто недостаточен сегодня уровень нашего познания и наших научных достижений.

Но я считаю, что никогда не наступит такой момент, когда мы будем все предсказывать и доказывать с помощью научных знаний.

Если это случится, тогда, например, страхование как сектор финансов, экономики исчезнет.

Тосунян Г.А.: Не переживайте, этого никогда не случится.

Куликов Н.И.: Насколько мы можем такого достичь?

Как предсказать, что сосед не сожжет мою дачу?

Я понимаю, что можно предсказать, используя достижения науки, что развиваются какие-то природные катаклизмы.

И всё.

Но чтобы абсолютно всё предсказывать – мы, наверное, науки такой не достигнем.

Кржевов В.С.: Я прошу прощения.

По всей видимости, Вы меня неправильно поняли.

То, что нет случайностей, это утверждала наука до конца XIX века.

Появление квантовой механики радикально эту позицию изменило. Теперь случайность как раз является вещью, необходимой для представления того, что происходит в мире.

Что касается полноты научных знаний, то современная философия науки со всей определенностью утверждает, что никогда и никакие научные знания не являются исчерпывающими и полными.

Это всегда знания в какой-то мере вероятностные, это знания в какой-то мере предположительные.

Расширение круга данных, умножение находящихся в нашем распоряжении фактов, конечно же, заставляет пересматривать рано или поздно всю картину и корректировать все теории.

Я только так могу ответить на ваш вопрос.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Случайность и неопределенность все-таки разные вещи, хотя они связаны.

Я уж упоминал сегодня принцип неопределенности Гейзенберга.

Там речь идет – в упрощенном варианте – о том, что невозможно одновременно точно определить координаты и скорость микрочастицы.

Куликов Н.И.: Это потому, что частица ведет себя и как частица, и как волна?

Тосунян Г.А.: Нет, это Вы путаете с дуализмом, корпускулярно-волновым дуализмом, это другое явление.

Принцип неопределенности Гейзенберга не является следствием волновой природы частиц.

Он связан с тем, что в микромире есть «заданная» – не скажу кем – неопределенность: чем точнее мы определяем место частицы, тем с меньшей точностью мы определяем ее скорость, и наоборот.

Произведение этих «дельт» меньше постоянной Планка.

Вот такой принцип неопределенности Гейзенберга.

Кржевов В.С.: Но там же шла речь о том, что для того, чтобы получить максимум возможной информации, нужно привести наблюдаемые частицы во взаимодействие с разными приборами.

Теми, которые в одном случае позволяют измерить импульс, а в другом случае – установить координаты.

Именно об этом идет речь, и поэтому именно так понималось, что случайность здесь – это вариация поведения самого объекта, а не мера нашего незнания.

Тосунян Г.А.: Именно это создает такую неопределенность, которая для нас является неопределенностью, а не для самой частицы.

Кржевов В.С.: Это совершенно так.

Но в данном случае акцент был на том, что речь идет именно не о мере нашего незнания и не о том, что у нас есть потенциальная возможность когда-нибудь это незнание восполнить, как думал Эйнштейн.

Здесь речь идет о том, что мы никогда не получим такого мнимо недостающего знания, потому что это отображены объективные свойства частиц самого микромира.

Тосунян Г.А. Совершенно верно!

Но я хотел бы успокоить профессора Куликова: никогда уровень нашего знания не достигнет того состояния, мы это увидели воочию.

Куликов Н.И.: Да, к сожалению, это так.

Тосунян Г.А.: Не переживайте по этой части.

Коллеги, есть еще вопросы? Пока нет.

Просто мы очень много вопросов задали первому докладчику, поэтому, видимо, исчерпали себя на втором докладчике.

Но они между собой еще пополемизируют.

Давайте заслушаем следующий доклад.

Когда доклады закончатся, у нас будет дискуссия.

Следующий докладчик – Поддьяков Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор Высшей школы экономики и главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН.

Прошу Вас, Вам 20 минут.

ДОКЛАД 2

ПОДДЬЯКОВ А.Н.

д. психол. н., главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

СВОБОДА ВОЛИ

Получилось так, что Владимир Сергеевич сделал очень основательную подводку к тому, о чем буду рассказывать я, но будет и полемика.

В общепринятом понимании свобода воли – это понятие европейской моральной философии, означающее способность индивида к нравственному самоопределению.

По данным «Большой российской энциклопедии», сам термин можно рассматривать как историко-философскую метафору, в которой акцентируется смысл понятия «свобода», а воля может быть заменена решением, выбором и так далее.

Центральная проблема свободы воли – вопрос об автономии воли и ее пределах как условиях моральности и способности к поражению внеприродной причинности.

То есть это вопрос о том, как соотносится природный или божественный детерминизм с интеллектуально-нравственной свободой и ответственностью субъекта.

В психологии и когнитивных науках на настоящем этапе на первый план выдвигается проблема обоснования произвольности поведения, возможности рационального выбора, а также контроля наших действий со стороны сознания, бессознательных мотивов и нейрофизиологических механизмов, о чем сейчас говорил Владимир Сергеевич.

Здесь есть ряд экспериментальных фактов, которые интерпретируются по-разному, о чем тоже было сказано.

Возникает дискуссия о природе личной ответственности за действия и поступки.

Можно выделить два вида жесткого детерминизма, в рамках которых возможность свободы воли и выбора отрицается.

Это детерминизм социальными условиями и детерминизм физиологическими процессами.

Также возможны их сочетания.

О социальном детерминизме.

Здесь можно сослаться на книгу авторов Ли Росс и Томаса Гиловича «Наука мудрости».

Там рассматривается соотношение между социальными влияниями и личностной детерминацией, влияние личностных особенностей человека, его мировоззренческих и нравственных установок на принятие решения о поступке.

Я приведу одну цитату, поскольку больше о социальном детерминизме говорить практически не буду.

«Тот, кто мудрее, тщательно анализирует социальные факторы, провоцирующие злодеяния, и факторы, препятствующие их совершению, но в то же время он старается не искать оправданий для злодеев и не снимать с них персональной ответственности».

Это полемика с жестким социальным детерминизмом.

Дальнейшее обсуждение посвящено позиции жесткого нейродетерминизма.

Не случайно мы вышли на одну проблематику, поскольку это действительно активно обсуждаемая тема.

Жесткий нейродетерминизм основан на том, что свободы воли нет, это иллюзия.

Постулируется, что любой поведенческий акт, поступок, деятельность, выглядящие произвольными, жестко детерминированы мозговыми процессами, а те в пределе – физикой ансамбля элементарных частиц.

Мозг принимает решения, видит, понимает намерения других.

Есть статьи с заголовками типа «Как мозг понимает намерения других и делает другие вещи».

А психологические процессы и явления, будучи следствием мозговых процессов и явлений, ни на что повлиять не могут в принципе.

Они «номологические бездельники», по Фейглу, критикующему такой подход.

Из последних работ в русле жесткого детерминизма, нейродетерминизма можно назвать книгу Сапольски, но более позднюю – «Всё решено: жизнь без свободы воли».

Чтобы понять сам подход нейродетерминизма, процитирую Василия Андреевича Ключарева, нейробиолога, который был научным редактором перевода этой книги.

«Биология закладывает наши потенциальные возможности.

Она чем-то похожа на металлический шарик в игре пинбол, где игрок при помощи специальных рычагов старается как можно дольше удерживать его на игровом поле.

Шарик отскакивает от различных препятствий, по нему лупят рычагами, и он устремляется по своей уникальной траектории, определенной теми обстоятельствами, в которые он попадает».

И так далее. «Вся наша сложность неплохо объясняется чуть более витиеватыми причинно-следственными связями, вполне детерминированными, понятными и достаточно предсказуемыми».

Следствия жесткого детерминизма.

Если все полностью детерминировано, то нет места субъектности, активности и ответственности.

Ответственность, метафорически выражаясь, лежит на ансамблях нейронов или элементарных частиц.

Вот что пишет Ключарев: «Осознание детерминированности нашего поведения не приводит к отмене юриспруденции, хотя и меняет ее основания.

Вы более не наказываете человека, нет, вы отправляете преступника на карантин, ведь этот человек создает опасность для общества.

Вам трудно в чем-то упрекать такого человека, какие бы преступления он ни совершил, вы, скорее, постараетесь помочь ему или ей измениться. Это прозвучит странно, но только на первый взгляд».

Еще одно следствие жесткого детерминизма – невозможность обещаний и договоренностей.

Если человек убежден, что не контролирует свои поступки, то он не может ничего обещать: кто знает, как поведут себя его нейроны?

Следование каким-либо долгосрочным целям и договоренностям становится невозможным.

Вот цитата из философа Кузнецова: «Представьте, что в один момент все жители Земли избавились от иллюзии свободы воли, возможности произвольного контроля поведения. Функционирование важнейших инфраструк-

турных объектов – от атомных станций до больниц – стало бы невозможным, хотя бы потому, что невозможны обещания и договоренности».

О фундаментальной проблеме жесткого нейродетерминизма пишет Виктор Михайлович Аллахвердов: «С какой стати и зачем автоматически осуществляемые физиологические процессы порождают субъективные переживания, свободу выбора?» – и так далее.

Почему эта ненужная нагрузка на мозг возникла в ходе эволюции и не исчезла в ходе естественного отбора?

В более выигрышном положении должны быть те, у кого мозг занимается только принятием решений, а не, например, помощью «я» в борьбе со страхами.

Можно поискать заголовки и легко найти что-то типа «Как мозг борется с нашими страхами», но ведь мозг сам породил все страхи, если следовать жесткому нейродетерминизму.

Как возникло, существует и развивается убеждение в субъектности и психологичности мозга в действительности?

В отличие от Павлова, который штрафовал сотрудников своей лаборатории, если они приписывали собаке какие-то психологические качества: собака поняла, увидела, услышала, – сейчас мозгу приписываются психологические качества: мозг любит, мозг понимает и прочее.

Единственное, чего пока мозг не делает, это не наклоняется завязать развязавшиеся шнурки.

Вот цитата из книги «Вынос мозга. Чарующее обаяние бездумной нейронауки»:

«Книга посвящена объяснению, каковы реальные возможности современной биологии, откуда возник миф

о господстве мозга над личностью, и другим важным проблемам».

Тут можно провести исторический анализ и показать, в какой момент возникла такая идея.

Рассмотрим парадоксы текстов сторонников жесткого нейродетерминизма.

«Курьезно, что многие исследователи, заявляющие о намерении продемонстрировать эфемерность сознательно-го мышления, дают испытуемым инструкции, которые требуют полного осознания.

Таким образом, исследователи полагаются на те самые способности, которые они пытаются дискредитировать».

В этом смысле можно задать вопрос Сапольски: «К кому Вы обращаетесь, написав эту книгу? Раз Вы это написали, Вы, видимо, рассчитываете на кого-то, обладающего субъектностью. Или Ваш мозг непосредственно обращается к мозгу читателей?»

Но, по идее, будет отвечать его мозг.

Вот пара парадоксов, которые сформулировал я.

Я работаю на уровне научных текстов – философских, психологических – и на уровне популяризации.

На уровне популяризации я показываю аудиториям разной массовости, что девиз нейробиологов, занимающих эту позицию, таков: «Я у мозга дурачок, я ни на что не влияю. Мозгу приходится постоянно за мной присматривать, чтобы я что-нибудь не натворил».

Эти парадоксы я представляю и философской аудитории.

Она – по крайней мере, ее часть – относится к ним одобрительно, как и психологическая.

То же говорю и в научно-популярных текстах.

Так вот, если об иллюзии свободы воли пишет жесткий нейродетерминист-биолог Сапольски, который эксперименты с участием людей не проводит, это одно.

А если это нейробиолог – допустим, Василий Андреевич Ключарев, который такие исследования проводит, – то возникает два парадокса.

Первый – парадокс написания текста добровольного информированного согласия, то есть предполагающего свободу воли, свободу выбора – подписать или нет – нейрочуждым, отрицающим свободу воли, и передача его на подписание участнику.

При проведении любых исследований нужно запросить у участника добровольное информированное согласие, он должен добровольно согласиться.

Получается, что одним текстом, для широкого круга читателей, нейрочуждый свободу воли аргументированно вроде бы отрицает.

А другим текстом, для участников своего исследования, неявно подтверждает ее существование.

Второй парадокс связан с чтением добровольного информированного согласия, написанного нейрочуждым, отрицающим свободу воли.

Участник читает документ: «Вы должны подписать добровольное информированное согласие».

Что должен думать участник, если до этого он прочитал текст этого нейрочуждого, где тот отрицает свободу воли?

Если нейрочуждый отрицает свободу воли, при этом пишет текст добровольного информированного согласия, затем дает его на подпись, – это нонсенс или хитрость мозга этого нейрочуждого?

Поспорил бы с Владимиром Сергеевичем в одном вопросе.

Я соглашаюсь с теми, кто пишет о невозможности убедительного научного эмпирического обоснования какой-либо из позиций.

Ни одного примера свободной воли, удовлетворяющего своей строгостью физиков и биологов, похоже, не будет.

Жесткие детерминисты всегда найдут аргументы, что это не свобода воли.

При этом есть физики с иными научными представлениями о детерминизме, чем у жестких нейродетерминистов.

Но пока, по мнению некоторых философов, нет и не может быть эмпирического обоснования невозможности свободы воли.

Нейробиологи, пишущие о невозможности свободы воли, антинатуралистичны: защищая тезис о полном нейродетерминизме, они принципиально не могут его обосновать эмпирически.

Этот их тезис – философская мировоззренческая позиция.

Кстати, Ключарев сам признает, что большинство нейробиологов не разделяет его позицию.

Об абсолютной свободе речь не идет, самые разнообразные ее ограничения очевидны.

Я присоединяюсь к тем, кто не считает верными утверждения о совершенном отсутствии свободы воли и ее невозможности.

Речь может идти о ее градациях, и хотя я знаю, что есть позиция «всё или ничего», но я с теми, кто обсуждает градации свободы воли.

Например, при рассмотрении разных биологических видов биологи вводят градацию свободы воли.

Недавно было принято решение о том, что у животных есть разные формы сознания, зачатки сознания, но также есть и градации свободы воли.

Кроме того, есть градации свободы воли у человека в разных состояниях, в том числе физиологических: в состоянии стресса, опьянения или, предположим, в состоянии, вызванном поражением мозга, травмой и так далее.

На книгу Сапольски вышла отрицательная рецензия в «Science», статья называется «Свобода от свободы воли».

Существует книга Кевина Митчелла «Свободные агенты: как эволюция дала нам свободу воли»: автор – нейробиолог, считающий, что свобода воли есть, и обосновывающий ее эволюционные основания.

Вот цитата из рецензии на книгу Митчелла:

«Если свобода воли – это способность сознательного и рационального контроля наших действий, то я с радостью могу сказать, что она у нас есть. Мы не всегда вольны влиять на причины наших действий, но у нас есть способность размышлять над ними, и у нас есть определенная степень самоконтроля. У нас есть разные степени свободы, мы развиваем ее по мере взросления и можем потерять часть ее временно, например, из-за наркотиков или стресса, или навсегда, например, из-за психического заболевания».

Да, есть работы, в которых обсуждается способность больных в плане свободы воли подписывать те же самые информированные согласия.

Скажем, в какой степени можно в зависимости от диагноза полагаться на то, что человек действительно свободно подписывает добровольное информированное согласие на медицинские процедуры?

Моя проблематизация этой темы представлена в статье «Возможности свободы в различных физических, социальных, технологических мирах».

Я ставлю такие вопросы.

– Возможны ли физические миры с различными возможностями свободы воли?

То есть если мы исходим из позиций физикализма и говорим, что свободы воли в нашем мире и правда нет, то возможны ли в принципе другие физические миры, делающие возможной свободу воли?

– Могут ли физические миры различаться по своим возможностям в этом отношении?

То есть можно говорить, допустим, о размерности этих миров, разных физических константах, законах и так далее, которые предоставляют ту или иную свободу воли.

– Можем ли мы, или продвинутая система искусственного интеллекта, или мы с помощью продвинутой системы искусственного интеллекта изменить наш физический мир, чтобы он предоставил нам больше или меньше (кто-то хочет меньше) возможностей свободы воли?

Здесь можно упомянуть понятие астроинженерной деятельности продвинутых цивилизаций Станислава Лема.

Так как это не проверить эмпирически, он выдвигает гипотезу: допустим, константа скорости света, невозможность преодолеть скорость света, связана с тем, что таковой ее установили когда-то продвинутые цивилизации, чтобы не мешать друг другу жить, так как влиять друг на друга невозможно для тех, кто находится слишком далеко.

– Можем ли мы, или продвинутая система искусственного интеллекта, или мы с помощью продвинутой системы искусственного интеллекта и так далее начать создавать новые виды (наши генетические продолжения или нет) с более высокими уровнями возможностей свободы воли?

Здесь речь идет о развитии возможностей свободы воли через изменение биохимии, генетики и использование искусственного интеллекта.

– И наконец то, что касается психологии, философии и познания.

Как разнообразие уровней свободы воли у агента может быть связано с возможными уровнями, глубиной его самопознания?

То есть может ли агент с более свободной волей лучше познавать сам себя, допустим?

Что могут знать и думать агенты, отличающиеся по уровню самопознания, о проблеме свободы воли?

Вот мы – агенты, находящиеся на определенном уровне самопознания, и мы обсуждаем сейчас проблему свободы воли.

Перехожу к заключительной части своего выступления.

Свобода воли – фундаментальная проблема, которая не может быть решена эмпирическими методами на настоящем этапе развития науки.

На любой аргумент сторонников одной концепции находится контраргумент сторонников другой.

Или, возможно, эта проблема не может быть решена в принципе, будучи прежде всего мировоззренческой, философской, психологической?

Отрицание возможности свободы воли или же ее признание в разных градациях при разных условиях – это мировоззренческий выбор.

Отрицание возможности свободы воли ведет к некоторым малопривлекательным следствиям, таким как отказ от возможности самостоятельной активности и ответственности, невозможность обещаний и договоренностей и прочее.

Вопрос о соотношении биологических и социальных факторов, влияющих на поведение, и собственной свободы, активности и ответственности личности решается по-разному в разных теориях.

Прочитую еще раз книгу «Наука мудрости»: «Тот, кто мудрее, тщательно анализирует социальные факторы, провоцирующие злодеяния, и факторы, препятствующие их совершению. Но в то же время он старается не искать оправданий для злодеев и не снимать с них персональной ответственности».

Можно добавить, что то же самое верно относительно благодеяния: есть социальные факторы, социальные среды, поддерживающие благодеяния, способствующие им, а есть те, которые препятствуют им.

При этом всегда находятся люди, которые эти благодеяния совершают вопреки неблагоприятным социальным условиям.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, мы можем перейти к вопросам.

Пока вы готовитесь их задать, я дам небольшую информацию о наших изданиях.

У нас вышел из печати целый ряд сборников с материалами заседаний:

– сборник «Цивилизация»¹³, обсуждение проходило в мае 2024 года, докладчики – академик Смирнов, член-корреспондент Касавина, профессор Козловский;

– сборник о ГМО¹⁴, докладчик – Дурманов, это февральские материалы;

¹³ Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.

¹⁴ Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.

– сборник «Турция»¹⁵, старый материал, 8 июля 2023 года;

– сборник «Банки Китая»¹⁶;

– сборник «Мозговая активность»¹⁷.

Это в контексте того, что сейчас мы слушали доклад Александра Николаевича, который о мозге много сказал.

У нас о мозге было специальное заседание в 2023 году, а в апреле 2024 года обсуждалась тема «Мозговая активность».

Так что, коллеги, вы можете потом взять эти сборники, все сборники интересные.

Кроме того, издан новый каталог выпущенных сборников¹⁸.

Вышел еще сборник по итогам заседания 31 декабря 2023 года, когда мы подводили итоги 2023-го и намечали перспективы 2024 года. Поскольку новогодние заседания проходят без повестки дня и без докладов, то выступающих было около пятнадцати участников.

Сами выступления под Новый год отличаются особой автономией суждений, и у каждого там свобода воли явно реализуется.

Вообще, сам вопрос мне кажется парадоксальным: есть свобода воли, или нет свободы воли?

Подьяков А.Н.: Он очень парадоксальный.

¹⁵ Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.

¹⁶ Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.

¹⁷ Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.

¹⁸ [Ссылка на каталог.](#)

Тосунян Г.А.: Наверное, проблема такая философская есть, но свобода воли, на мой взгляд, есть всегда!

Так что не пытайтесь снять с себя ответственность!
Пожалуйста, коллеги, вопросы.

к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.

Кржевов В.С.: У меня вопрос терминологический. Шла речь о жестком нейрофизиологическом детерминизме.

Но если мы с вами заменим сочетание «свобода воли» утверждением, что мозг вариативно решает, разве что-нибудь существенно изменится?

Ведь остается тот самый вопрос, на который мы не можем дать ответа: что такое воля, если это не часть мозга?

Поддьяков А.Н.: Можно отвечать?

Когда Вы говорите «мозг решает», то я сразу дергаюсь, поскольку принадлежу к тем людям, которые не считают, что «мозг решает», или «мозг видит», или «мозг любит».

Я коллекционирую такого типа высказывания – «мозг обманывает нас».

У мозга нет этой активности в той парадигме, в которой я работаю.

Мозг функционирует.

А решение принимает человек.

Кто-то говорит – целостный человек.

Есть парадигма воплощенного познания, где доказывается, что человек принимает решение вообще всем телом.

Я не берусь ответить на вопрос, как решить психофизиологическую проблему.

Понимаю то, что Вы говорили о замкнутом каузальном контуре и так далее.

Я принадлежу к определенной научной парадигме.

Допустим, Диана Эдиковна Гаспарян пишет, что мысль вообще в мозге не локализована, и приводит для этого аргументацию.

Я склонен с этим согласиться.

У нас просто нет подходящей метафоры для объяснения того, что такое мышление, личность и так далее.

Если мы проследим историю вопроса, то увидим, что вначале Декарт считал, что все реализуется через механическое устройство, через нервную систему.

Далее показано было, как новейшие на тот момент достижения в физике воплощались в те или иные представления о мозге.

Затем, допустим, если сразу прыгать, это квантовая модель сознания и так далее.

Это означает, что и дальше будут появляться новые физические модели.

Физика развивается, предлагаются какие-то новые подходы, появятся не компьютерные метафоры мозга.

«Мозг решает» – за этим стоит компьютерная метафора.

Здесь возникает вопрос: за клавиатурой компьютера кто-то сидит, но если мозг – это компьютер, то получается, что мы одновременно и тот, кто сидит за компьютером, и сам компьютер.

То есть здесь клубок достаточно сложных вопросов.

Еще раз повторю: ответа у меня нет.

Единственное, я глубоко верю в то, что это философский, мировоззренческий вопрос, который не решается эмпирическими методами.

Тосунян Г.А.: Сейчас Андрей Викторович задаст вопрос, он первый попросил.

д. б. н. ЛЕТАРОВ А.В. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.

ЛЕТАРОВ А.В.

д. б. н., заведующий лабораторией вирусов микроорганизмов,
Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского ФИЦ
«Фундаментальные основы биотехнологии» РАН

Летаров А.В.: Спасибо, Александр Николаевич, очень интересный доклад, много вопросов Вы поставили, обсудили.

У меня вопрос про искусственный интеллект, который Вы немного затронули.

Искусственный интеллект в нынешних формах вряд ли обладает свободой воли.

Но существует вопрос о том, обладает ли мозг свободой воли и так далее.

А искусственный интеллект, с Вашей точки зрения, может быть носителем свободной воли?

Поддьяков А.Н.: Здесь я согласен с тем, что свободой воли может обладать только живое.

Для ныне действующих компьютеров верно следующее: любой алгоритм может быть реализован с помощью сложного механического устройства.

Реечки, шестереночки – так не делают, потому что это очень неэкономно, неудобно, ненадежно и так далее.

Но мы в принципе не готовы поверить, что можно с помощью шестеренок, реечек и так далее создать что-то, обладающее свободой воли.

На это может следовать контраргумент, что нейроны в мозгу образованы из атомов, и они тоже вращаются, так сказать.

Где здесь граница?

На мой взгляд, здесь есть качественный переход.

Нынешние исследования генетиков, которые занимаются тем, что искусственно создают живое, показывают, что создаются искусственные ДНК, такие организмы могут функционировать.

Я думаю, что возможен этап, когда искусственный интеллект таким путем станет очень похож на созданный искусственным путем естественный, я бы так сказал.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, коллеги.

проф. **МОМДЖЯН К.Х.** – д. психол. н. **ПОДДЬЯКОВ А.Н.**

Момджян К.Х.: Я согласен с Вами, что выражение «мозг решает» не самое удачное.

Но скажите, можем ли мы отрицать тот факт, что многие человеческие решения определяются состоянием головного мозга, процессами, которые в нем происходят?

Человек не свободен в этом выборе.

Простой пример.

Я признаю наличие свободы воли и полагаю, что на уровне рассудочной мотивации и мотивов долженствования человек свободен в принятии решений.

Но если мы говорим об эмоциональной мотивации, где критерием является приятное, а не полезное или должное?

Мне почему-то захотелось утром выпить кофе, а не чай, хотя я обычно пью чай.

В этом случае лучше говорить «захотелось», а не субъектно нагруженное «захотел».

Потому что головной мозг каким-то непонятным и неподвластным моему контролю способом подсказывает мне такое решение.

Поддяков А.Н.: Чем «я» и «мне» различаются?

Момджян К.Х.: «Мне захотелось» – вы как бы лишаетесь субъектности.

Это не вы приняли решение, это вам подсказало такое решение не контролируемое вами состояние мозговой ткани.

Тосунян Г.А.: Ответьте, Александр Николаевич, а потом я объясню.

Поддьяков А.Н.: Если из моего доклада создалось впечатление, что я не верю во влияние мозговых состояний на принятие решения, это было бы совершенно неправильно.

Конечно же, влияние есть.

Описаны интересные нейрофизиологические эксперименты.

Когда, допустим, к определенному участку мозга подносят источник электромагнитной индукции, это влияет на характер принимаемых решений.

Или, например, закапывают в нос нейромедиатор дофамин, и человек начинает склоняться к более альтруистичным решениям.

Точно так же известно, что определенные поражения мозга ведут к психологическим нарушениям, на этом основана значительная часть нейропсихологии.

Но при этом когда-то Братусь, сейчас профессор и академик Российской академии образования, вводил для нас, студентов, метафору «воронки», если говорить о свободе.

Чем ближе человек к болезненному состоянию, тем уже воронка его возможностей, тем в большей степени он зажат между этими ограничениями, которые на него накладывает мозг.

Если же он в хорошем состоянии, можно провести эксперимент.

Я думаю, если предупредить человека, которому закапывают что-то в нос, и сказать ему: такая вещь есть, постарайся сопротивляться, – я думаю, что он сможет.

Момджян К.Х.: Все зависит от степени воздействия.

Вы говорите: есть возможность противостоять, – а если ее нет?

Поддьяков А.Н.: Нет, понятно, конечно, если отравить человека или дать ему хорошенько по голове кувалдой, то он потеряет всякую свободу такого типа.

Момджян К.Х.: Нет, в данном случае речь не о кувалде.

Речь идет о том, что этой самой волевой компоненты нет, а есть некий процесс в мозге, который предопределяет поведение.

Вы говорите, что мозг не решает.

Вам не нравится это выражение?

Но в некоторых (весьма ограниченных) случаях человеческого поведения именно мозг отдает команды на исполнение.

Поддьяков А.Н.: Я знаю позицию, что воли на самом деле нет.

Ее исповедует не только Сапольски, но и некоторые психологи.

Они говорят, что проблема силы воли надуманная на самом деле.

Но если говорить о мозге, то я согласен с вами, что, конечно, речь идет о градации.

Кстати, здесь тоже все очень сложно, потому что есть так называемые парадоксальные и ультрапарадоксальные реакции: когда вы усиливаете воздействие, реакция в какой-то момент становится уравнивающей.

Вы усиливаете воздействие, а реакция все равно плато.

Потом вы еще усиливаете, а реакция начинает уменьшаться.

То есть вместо того, чтобы пропорционально расти, она уходит.

И здесь начинается сложная игра.

Я приведу пример.

Сошлюсь на эксперимент, как психология может отменять на время действие физиологических закономерностей.

Это красивый эксперимент Сержа Московичи.

Эксперимент состоял в следующем.

Ученый использовал метод подставной группы и наивного участника.

Задача группы состояла в том, чтобы определить цвет экрана или какого-то объекта.

Экран был зеленый. Вся подставная группа говорила, что он голубой.

У наивного участника спрашивали, какого цвета экран.

Некоторые «продавливались» и называли тот цвет, который говорила группа.

Исследователя интересовали как раз те, кто не «продавился».

Он им показывал после этого совершенно белый экран и спрашивал, какого он цвета.

Есть физиологический механизм зрения: если вы посмотрите, допустим, на черный контур, долго будете смотреть, а потом поднимете глаза на потолок, вы увидите белый негатив, то же самое – для цветного зрения.

Для показанного зеленого цвета дополнительный цвет, который проступит на белом фоне, должен быть красный.

Но испытуемые отвечали дополнительным не к зеленому, объективно показанному и воздействующему на сетчатку, а дополнительным к голубому, который был назван другими.

Получается, что этот мысленно стоящий перед глазами голубой забивал физиологическую закономерность и заставлял отвечать таким образом.

Понятно, что это искусственные условия, но это говорит о том, как психология подходит к решению таких вопросов.

Тосунян Г.А.: Интересный эксперимент.

Момджян К.Х.: Вы говорите «забивал»?

Поддяков А.Н.: Временно отменял.

Момджян К.Х.: Даже это я не сказал бы.

Просто-напросто здесь срабатывал эффект преобладающего импульса.

Срабатывала семантическая характеристика, а физиологическая отторгалась, но это просто вопрос соотношения.

Поддяков А.Н.: Вы знаете, я думаю, что мы можем погрузиться в долгую полемику.

Для меня здесь все не так просто.

Тосунян Г.А.: Спасибо, эксперимент, безусловно, стоящий.

Сейчас Надежда Александровна Касавина, потом Павел Алексеевич Медведев, а потом Алексей Львович Саватюгин прокомментирует ответ на мой вопрос.

Пожалуйста, Надежда Александровна Касавина, член-корреспондент Академии наук.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Касавина Н.А.: Александр Николаевич, у меня возник такой вопрос.

Когда я слушала рассказ о нейродетерминизме, я вспомнила книгу Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу».

В этой книге рассматриваются самые бедственные случаи действительно сильных неврологических болезней, когда искажается сама человечность.

Оливер Сакс, как мне кажется, очень ярко показал, и даже был удивлен этим как профессионал, как в таких случаях нередко человек все-таки сохраняет способность к творчеству, взаимодействию, способность к более или менее продуктивной жизни.

Конечно, это, может быть, не свобода воли, это, наверное, сила жизни.

Такие исследования что-то дают для решения данного вопроса о свободе воли?

И насколько такие источники авторитетны?

Ведь это изложение исследований в довольно популярной форме, используются ли они в профессиональной среде?

Поддьяков А.Н.: Оливер Сакс – авторитетный.

Я могу вполне полагаться на физиологические данные.

Пока у человека сохранены лобные доли, которые ответственны за целеполагание, планирование на дальний горизонт и прочее, он может более низкие психоло-

гические функции, которые повредились из-за мозговых нарушений, сам целенаправленно исправлять.

То есть он может себя перестраивать и делать что-то с собой, что сохраняет его человеком значительно дольше, чем, казалось бы, позволяет болезнь.

Это такая вершинная психология, что называется.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Павел Алексеевич.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.

Медведев П.А.: Спасибо, Александр Николаевич, за доклад.

У меня один короткий вопрос и одна маленькая реплика.

Скажите, пожалуйста, я правильно понял из духа Вашего выступления, что Вы считаете, что при изучении всяких понятий, состояний и так далее вопрос заключается не в принципе, а в мере?

Это вопрос.

А замечание такое.

Очень хорошо, что у нас на семинаре собираются люди разных специальностей.

Вы обращали внимание на некоторые парадоксы – так сказать, логические противоречия, которые возникают.

А если там нет противоречия?

Там беда состоит в том, что Вы пользуетесь плохой логикой, Вы пользуетесь логикой Аристотеля, а она внутри себя содержит противоречие, которое Вы хотели приписать обстоятельствам.

Ваш покорный слуга еще до того, как Вы принимали участие в этом семинаре, рассказывал, что произошло в конце XIX – начале XX века с логикой и какие пробелы в логике Аристотеля были обнаружены.

Один из пробелов, который в Вашем рассуждении присутствует, – это включение в рассуждение рассуждений.

Нельзя в рассуждение включать рассуждения, потому что тогда с очень большой вероятностью Вы приходите к противоречию.

Не потому, что Вы изучаете противоречие, а потому что Ваш метод противоречивый.

Итак, мой вопрос: верно или неверно, что очень большой ценностью обладает принцип «Вопрос не в принципе, а в мере»?

Поддьяков А.Н.: У меня вопрос на уточнение: что конкретно показалось Вам неправильным в сформулированных мною парадоксах?

Не вообще, что это аристотелевская логика, а конкретная ошибка в моем рассуждении?

Медведев П.А.: Вы обратили внимание на то, что парадоксально требовать от гражданина при изучении вопроса о свободе воли подписать бумажку о том, что он, будучи свободным в проявлении своей воли... и так далее.

Вы видите в этом противоречие.

Чтобы его сформулировать, надо произнести такое длинное рассуждение: этот человек не мог подписать бумагу, находясь в полной свободе воли, потому что он должен был при этом сообразить, что его-то призвали как раз на эксперимент.

Поддьяков А.Н.: Это второй, а первый парадокс?

Медведев П.А.: Про этот один я и говорил. Математики-то нашли много.

Поддьяков А.Н.: Нет.

Конкретно в чем ошибка парадокса?

Я так и не могу понять.

Медведев П.А.: Ошибка. Мера Аристотеля.

Тосунян Г.А.: Если очень сложный вопрос и предстоит полемика, давайте чуть-чуть это отложим.

Поддяков А.Н.: С мерой я согласен, вопрос в мере.

Тосунян Г.А.: Алексей, прокомментируй тогда, потом перейдем к третьему докладу.

САВАТЮГИН А.Л. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Саватюгин А.Л.: Немножко дискуссия уже пошла.
Было сказано, что я просыпаюсь и обычно пью чай,
а сегодня захотелось кофе.

Тосунян Г.А.: «Я хочу» или «мне захотелось»?

Саватюгин А.Л.: В чем разница между «я хочу» и
«мне захотелось», если «я просыпаюсь»?

Эта разница не только филологическая.

Если я просыпаюсь, я лежу и думаю, хочу я кофе или
чай, или хочу поехать съесть хаш у Гарегина Ашотовича.

Тосунян Г.А.: Это лучше.

Саватюгин А.Л.: Да, это лучше, поэтому я выбрал
именно этот вариант.

Бывает, что это не только доводы рассудка.

Тосунян Г.А.: А доводы более мудрого – подсознания.

Саватюгин А.Л.: И не только подсознания, это
может быть просто физиология.

Тело человека – это достаточно сложная система,
которая сама себя регулирует не на уровне мозга.

У тебя уменьшается доля какого-то фермента – и
там какой-то мозжечок дает сигнал поджелудочной железе,
что надо выработать какой-то там гормон.

Значит, тебе не хватает чего-то, потому что тебе
нужна порция кофеина.

Тосунян Г.А.: Алексей, а это все не «Я»?

Саватюгин А.Л.: Это нет.

Тосунян Г.А.: А кто?

Саватюгин А.Л.: Это организм.

Тосунян Г.А.: Организм – это не я?

Саватюгин А.Л.: Это мудрость тела. Это физиология, это не психология.

Тосунян Г.А.: Хорошо. Если принять, что я и физиология – разные вещи, тогда можно согласиться.

Психология – это сознание, нет, это даже что-то выше.

Саватюгин А.Л.: Это физиология.

Но я хотел сказать, что кажется парадоксальным вопрос об отсутствии свободы воли.

Как же, мы тут вольные люди все собрались и друг друга слушаем, и вряд ли это нейроны в мозгу заставили нас сюда прийти.

Но это кажущийся парадокс, потому что это не новая проблема.

Это не проблема нейродетерминистов XXI века, этой проблеме несколько сотен лет.

Философы спорят о свободе воли человека или о божественной предопределенности.

Характер дискуссии и аргументы не сильно изменились, только место Бога заняли элементарные частицы в мозгу.

Существует дискуссия между католическими теологами и протестантскими: человек вообще волен что-то решать, если есть Бог, который все решает?

То есть поменялись только эксперименты, как мне кажется, а философский базис остался тем же.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, давайте перейдем к третьему докладу, четвертому выступающему.

Постников Александр Евгеньевич, тема выступления – «Свобода личности: конституционная модель и законодательное регулирование».

Александр Евгеньевич, Вам слово.

ДОКЛАД 3

ПОСТНИКОВ А.Е.

д. ю. н., заведующий отделом конституционного права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Уважаемые коллеги, мое выступление посвящено вопросам свободы воли в понимании, которое используется в праве, законодательстве и юридической науке.

Необходимо отметить, что здесь применительно к категории свободы главным образом акцентируется ее практическое значение.

Особенность юридического, правового подхода к категории свободы заключается в поиске нормативного определения ее содержания и границ.

При этом в целом для правовой среды необходимо отметить, что свобода составляет важнейшую сущность права.

По сути, нет права как такового без свободы, и в равной мере в современном обществе нет свободы без права.

Свобода как юридическая категория обладает специфическими характеристиками.

Эти характеристики сегодня в ходе обсуждения рассматривались применительно к сфере уголовного права, пределам вменяемости, пределам ответственности за поступки человека.

В юридической сфере свобода закрепляется в нормативно-правовых актах.

Прежде всего – в Конституции, в законах.

Также очень важны критерии свободы, масштаба свободного поведения личности, ограничений, основы которых закреплены в международных правовых актах.

Об этих актах, их значении в своем вступительном слове уже говорил Гарегин Ашотович.

Особенность юридического понимания свободы также заключается в том, что свобода опирается на гарантии со стороны государства.

Свобода как декларация, как намерение – это категория, которая формирует лишь первоначальный юридический смысл.

То есть это начало движения в направлении ее юридической реализации.

С точки зрения права свобода должна, конечно, опираться на гарантии государства, что выражается в правовых, законодательных нормах.

Далее – о правовой конструкции свободы.

Свобода всегда предполагает не только дозволение, но и определенные ограничения.

Юридическая свобода не абсолютна, она ограничивается как правами, свободами других лиц, так и интересами общества, в целом интересами государства.

Применительно к свободе, конечно, изначальное и базовое условие – это индивидуальная свобода личности.

Но также существуют и коллективные формы реализации свободы.

Потому что в социуме ряд действий человека – таких как осуществление свободы собраний, выборы,

местное самоуправление – это признанная и важная свобода человека, и она осуществляется коллективно.

Нормативные, конституционные, законодательные конструкции также это учитывают.

Если говорить о законодательном, конституционном определении свободы, то в нем присутствует значительная динамичность.

Эта динамичность обусловлена, во-первых, общественным развитием, потому что меняются объективные условия.

Нынешнее информационное общество, с одной стороны, предоставляет совершенно другую, чем в прежнее время, среду для реализации свободы как человеческого потенциала.

С другой стороны, оно вводит узкие рамки алгоритмов информационных систем, алгоритмов, которые предлагают органы государственной власти и от которых человеку никуда не деться.

Пример тому – ситуация, когда по государственным услугам в ряде случаев навязывается одноканальность их предоставления в цифровой форме.

Человек, может быть, хотел бы просто прийти и получить услугу, написав письменное заявление, к чему он привык.

Но ряд услуг сейчас даже для лиц пожилого возраста, согласно действующему порядку, оказывается только одноканально, только в цифровой форме.

Таким образом, динамичность в осуществлении свободы связана с внешними обстоятельствами, с давлением внешней среды, научно-техническим, технологическим прогрессом.

Во-вторых, динамичность связана с возможностью изменения подходов в государственной политике.

В частности, в развитии законодательства, когда либеральный режим при осуществлении ряда прав и свобод может изменяться на более жесткий, более детальный режим.

Здесь, конечно, у человека меняются возможности для реализации своей свободы.

Вопрос в том, каким образом к этому приспособляться, как воздействовать на законодателя, как находить какие-то индивидуальные защитные методы для реализации своей свободы.

Это большая проблема, которую, конечно, еще предстоит решать юриспруденции.

Применительно к использованию самого термина «свобода» в праве необходимо сказать, что наибольшее распространение он получил в конституционном праве.

Если мы обратимся к действующей Конституции Российской Федерации, то, по сути, это первый в нашей истории антропоцентричный документ, где человек стоит в центре.

Вы знаете, вторая статья Конституции – норма прямого действия, гласящая, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства.

В самом тексте Конституции, я посчитал, слова «свобода», «свободный» используются 58 раз.

В основном – применительно к описанию конкретных индивидуальных прав личности.

Когда говорят о свободах, это, по сути, в значительной степени синоним прав личности.

Термин «свобода» как самостоятельная законодательная формулировка используется наряду со словом

«права» применительно к характеристике личных правомочий человека.

Это результат исторической традиции борьбы за права, за большую самостоятельность индивида при реализации принадлежащих ему прав и свобод.

По сути, здесь предполагается терминологически, что свобода – это то право, которое гражданин может осуществлять самостоятельно, без привлечения государственной власти.

В этом отличие такого личного права, скажем, от права на образование, права участвовать в выборах, потому что здесь не нужны какие-то позитивные действия власти.

Однако любые установленные законодательством права и свободы предполагают взаимодействие с государством в той или иной форме.

На это обращалось внимание еще в начальный период формирования современной доктрины прав и свобод человека.

В этой связи могу сослаться на книгу известного профессора конституционного, гражданского права Ю. С. Гамбарова, изданную в 1912 году в Санкт-Петербурге.

Он говорил о том, что делать акцент на отрицательную свободу, понимаемую как свобода от какого-либо государственного вмешательства, – это, по сути, ставить индивида и общественную власть в положение двух враждующих лагерей.

Свобода в смысле публичного права – это не свобода от государства; скорее, здесь надо говорить о свободе через государство.

О чем идет речь?

Когда мы говорим о таких классических свободах, как, например, свобода совести, свобода слова, свобода

мысли, здесь на первом плане самостоятельность, автономность личности: хотя она и признается, но не является абсолютной.

Та же свобода совести эффективна, если эта свобода защищается государством от неправомерных нарушений, скажем, со стороны атеистов, сторонников других религий, от нарушений при совершении богослужений и так далее. Равно как и для реализации свободы слова государство также обязано создать механизм защиты этой свободы, поддерживать ее.

Поэтому отличие категории свободы от права, которое изначально предполагает притязание гражданина к публичной власти, обществу, является условным.

Надо иметь в виду, что эффективная реализация такой особой, закреплённой в законодательстве категории, как свобода, требует государственного обеспечения, защиты в общем плане, что находит выражение в конституционных и законодательных гарантиях.

Необходимо сказать, что использование терминов «свобода», «свободный» в Конституции носит глубоко обоснованный характер, поскольку здесь создается модель для всего развития законодательства с точки зрения обеспечения правового статуса личности.

В чем состоит эта модель с точки зрения конституционного права?

В литературе встречается такая трактовка, что свободу необходимо рассматривать как принцип законодательного регулирования, который должен быть отражен в конституционном праве и других отраслях законодательства.

Я бы сказал, что это опасная точка зрения, поскольку здесь происходит неоправданное расширение диапазона использования термина «свобода».

Потому что свобода, с одной стороны, может быть понята как правомерное осуществление правомерных притязаний гражданина, закрепленных в Конституции.

С другой стороны, свобода может рассматриваться как свобода усмотрения государственных органов при решении тех или иных вопросов.

Свобода, которая закреплена применительно к конкретным правам гражданина, конкретным полномочиям гражданина, его взаимоотношениям с государством, с обществом, должна опираться на определенный баланс.

Баланс интересов личности и общества, личности и государства, последовательно учитываемый не только в Конституции, но и в законодательстве.

Одна из ключевых проблем, которая присутствует и в конституционном праве, и в науке, и в конституционной практике, заключается в последовательности реализации положений Конституции.

Что мы имеем в соотношении Конституции фактической и формальной?

Конечно, идеальная ситуация, если бы эти прекрасные положения, связанные со свободой, с поиском баланса интересов государства и личности, с соблюдением законодательных пределов на ограничение прав граждан, установленные в Конституции, соблюдались и последовательно воплощались в законодательстве.

Тем не менее дьявол скрыт в деталях.

Детали заключаются в том, что общие положения Конституции могут различным образом реализовываться в законодательстве.

Обозначу, какие здесь существуют угрозы.

Во-первых, угроза, связанная с тем, что пределы законодательного регулирования могут быть очень широкими.

Скажем, определенное право закрепляется в Конституции, в текущем законодательстве, наряду с этим вводятся определенные правовые режимы для реализации этого права.

Конкретный пример – свобода слова, которая является конституционной нормой и нормой избирательного законодательства, регулирующей предвыборную агитацию.

Одновременно в избирательном законодательстве есть право на предвыборную агитацию.

Трактовка, вытекающая из Конституции, заключается в том, что общий масштаб свободы слова, обеспечивающий разумный баланс интересов гражданина и государства, должен обеспечиваться в законодательстве.

Но вместе с тем можно понаблюдать за развитием этой категории в избирательном законодательстве.

Тогда мы увидим, что в ряде случаев отмечаются определенные попытки сказать: нет, в период избирательной кампании у нас свобода слова реализуется особым образом.

И присутствует уже не реализация свободы слова в рамках избирательной кампании, а реализация особого права – права на предвыборную агитацию.

Происходит подмена одного права на другое, не согласованная с конституционными категориями.

Во-вторых, в позитивном законодательстве, которое конкретизирует конституционную норму, существует угроза нарушения содержания конституционной нормы.

В этой связи существуют определенные механизмы, такие как конституционное правосудие, которые нацелены на выявление таких нарушений и на корректировку законодательства с учетом норм Конституции.

Эта задача решается, может быть, не всегда эффективно, тем не менее она очень актуальна.

Недопустимо, чтобы законодатель создавал конкретные нормы без оглядки на нормы Конституции.

Такая практика, конечно, существует.

Мне хотелось бы особо остановиться на реализации свобод с точки зрения конституционного права в условиях серьезных изменений в правовом пространстве, которые связаны с масштабным введением цифровизации и включением искусственного интеллекта во взаимоотношения гражданина и публичной власти.

В нашем законодательстве пока нет достаточных механизмов, которые защищали бы человека, ряд его социальных и политических свобод от взаимодействия с новым цифровым обликом публичной власти.

В этой связи я полагаю, что у нас сейчас существует задача создания специализированных законов, которые, по сути, были бы аналогичны тем, которые принимались в 90-е годы по защите прав потребителей.

Я думаю, вы помните, какой у нас был неорганизованный рынок, какие были серьезные проблемы.

И тогда был принят закон о защите прав потребителей.

По сути, этот закон оказал серьезное структурирующее воздействие на наш формирующийся рынок.

Сейчас, я думаю, ситуация такая, что существует беззащитность человека в цифровой среде, которая имеет много проявлений.

Например, дистанционное голосование – это, по сути, эффект черного ящика, когда гражданину не совсем понятно, насколько соблюдена тайна голосования, насколько соблюдены процедуры, связанные с учетом его волеизъявления.

Эти вопросы должны решаться применительно к электоральным процедурам, обеспечивая принцип свободных выборов.

Аналогичные задачи существуют применительно к реализации других прав, проблемы которых сейчас весьма актуальны.

По сути, эти проблемы серьезно влияют на благополучие, на психическое здоровье граждан, которые оказываются в ряде случаев не готовы к общению с публичной властью через предлагаемые алгоритмы.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Александр Евгеньевич.

Коллеги, пожалуйста, ваши вопросы.

Кстати, у нас есть вопросы в чате, позднее я прочитаю некоторые из них.

А пока выслушаем вопросы дистанционной аудитории.

Пожалуйста, Мецо Юрьевич Игитян, Вам слово.

ИГИТЯН М.Ю. – д. ю. н. ПОСТНИКОВ А.Е.

Игитян М.Ю.: Спасибо за интересный доклад.

Свобода личности – это не только философская категория, но и юридическая.

Как уже было сказано, в демократических странах права и свободы закреплены в конституциях, но между теорией и практикой существует разрыв.

Например, свобода слова в США, в первой поправке к Конституции, трактуется более радикально, чем в Европе, где допускаются ограничения, такие как запрет на разжигание ненависти.

Современный философ Джейсон Бреннан предлагает концепцию электоральной свободы.

Он считает, что в демократическом обществе должны существовать ограничения на участие в голосовании для необразованных граждан, чтобы защитить общество от популизма.

Вопрос: насколько это совместимо со свободой личности?

Это первый вопрос.

Еще одна проблема, как Вы сказали, связана с балансом между свободой личности и интересами общества, конкретно – государственной безопасностью.

Постпандемийный мир показал, как государство может ограничивать передвижение людей, – понятно, ради общего блага.

Это защита общества или нарушение личных свобод?

То есть где проходят границы между свободой личности и интересами государства?

Постников А.Е.: Спасибо Вам большое за интересные вопросы.

По первой части, относительно понимания свобод, на мой взгляд, различие более существенное.

И это проявилось в последнее время сильнее, чем 20 лет назад.

Мы были в плену представлений о единстве общеевропейских, общедемократических ценностей в понимании свобод.

Сейчас в связи с известными событиями, с конфликтами, в том числе с выходом России из ряда международных организаций, идет переосмысление этих начал.

Насколько здесь общее и насколько особенное понимание свободы?

Да, есть очень большие особенности.

Но я не педалировал бы то, что идентичность, самобытность нашей страны такова, что мы должны с большим скепсисом смотреть на документы тех комиссий, в которых мы участвовали.

В частности, Венецианской комиссии, где как раз определены общепризнанные критерии правового государства, где закреплено в классическом виде юридическое понятие свобод, с чем мы согласны.

По сути, у нас для правовой системы продолжают действовать правовые позиции Конституционного суда.

А он основан на общепризнанных критериях свободы, сформулированных в рамках мирового и европейского сообщества, в том числе в документах Венецианской комиссии применительно к критериям правового государства.

Теперь по той части вопроса, где Вы говорите об электоральной демократии с образовательным цензом.

Вообще говоря, всякий ценз влечет за собой определенные последствия.

Но не всегда сокращение электората или использование обычных процедур не есть благо по результату.

На основе своих рассуждений я могу сказать следующее.

Была большая отрицательная реакция, когда структурировался Съезд народных депутатов СССР.

Я думаю, судя по возрасту, многие из присутствующих в зале помнят эти времена.

Потому что, когда я молодежи рассказываю о съезде, о тех дискуссиях, которые тогда были, это не воспринимается.

Тогда прямая норма представительства от общественных организаций очень сильно критиковалась.

Но по факту получилось, что представительство от общественных организаций, включая представительство от Академии наук и от ряда других организаций, стало одним из наиболее мощных рупоров либеральной общественности и сторонников реформ.

Именно корпоративное демократическое представительство, прямое представительство от ряда организаций.

Там не только, конечно, Академия наук была, в первых рядах там были КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ.

Но было и представительство от Академии наук, которое дало возможность Андрею Дмитриевичу Сахарову оказаться – не без проблем, правда, – на Съезде народных депутатов.

Пожалуйста, пример ценза.

Игитян М.Ю.: Противостояли «агрессивно настроенному большинству» – по-моему, их так называли.

Постников А.Е.: Да, аналог. Большинство было неправильное, но был голос.

При других системах, которые обеспечивают идеальное всеобщее избирательное право, бывает такое, что ни по одному из мажоритарных округов Андрей Дмитриевич Сахаров не прошел бы.

Поэтому здесь есть определенные казусы, связанные с квотированием. Я полагаю, что квотирование в реальных случаях не надо рассматривать как полную дискриминацию.

Это общепризнанно касается коренных малочисленных народов, и это закреплено в международных правовых документах; где-то признаются возможности и гендерного представительства. Это вопрос обсуждаемый.

Второй Ваш вопрос – насчет постпандемийных ограничений.

В силу ограниченности формата всех проблем, конечно, не осветишь.

Но применительно к свободам, когда я говорил о динамичности правового регулирования и о возможности законодателя совершать такие резкие движения в связи с различными обстоятельствами, конечно, надо иметь в виду особенности ситуации в нашей стране.

У нас достаточно серьезно в последние годы изменилась ситуация в связи с двумя факторами.

Сначала это была корректировка режима осуществления прав и свобод, связанная с пандемией, затем – специальная военная операция.

Я не хочу сейчас обсуждать все детали этих режимов.

Но серьезный научный вопрос заключается в том, как выходить из этих ограничений.

Вопрос выхода из этих ограничений очень актуален, потому что то, что это временное ограничение, признается всеми официально.

Но дальше возникает вопрос о том, какая нужна коррекция нашей законодательной системы в связи с утратой актуальности тех обстоятельств, которые вызвали два этих специальных режима.

И это очень серьезный вопрос, который непосредственно затрагивает осуществление прав и свобод граждан.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

У нас есть две поднятые руки.

Игитян М.Ю.: Я просто дам короткое определение по поводу государства и личности.

Мне нравится определение: свобода – это не просто отсутствие цепей, а умение не кланяться тем, кто их раздает. Это так.

Тосунян Г.А.: Кто их навязывает, а не раздает.

Игитян М.Ю.: Наверное.

Тосунян Г.А.: Да, все-таки цепи не раздают по обращению: дайте, пожалуйста, цепочку.

Разве что золотые, а так это больше навязывание.

Мокий Михаил Стефанович, профессор РАНХиГС, Вам слово.

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор кафедры национальной экономики
РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Уважаемый Александр Евгеньевич, насколько я понимаю, в юриспруденции кодифицируется понятие свободы.

Правильно?

Конечно, раскрытие понятия и понимания свободы – это проблема философов.

По Вашему мнению, какое именно понятие свободы кодифицируется в настоящее время, скажем, в нашей Конституции, или вообще в юриспруденции?

Постников А.Е.: Дело в том, что общего определения свободы в юриспруденции нет.

Она, по сути, определяется применительно к отдельным разновидностям правоотношения.

Потому что у нас, скажем, свободный выбор, свобода, свобода совести раскрываются применительно к различным правоотношениям, конструкциям.

В зависимости от сферы, в чем именно заключается эта свобода, какие действия, какие полномочия есть в выборе тех или иных вариантов поведения, каков масштаб возможных действий.

Есть свобода выборов. А каковы критерии свободных выборов?

Они закреплены в избирательном законодательстве.

В международном праве Парламентский совет принял такой документ, как Декларация о свободных справедливых выборах.

Там тоже есть определенные критерии.

Но единого понятия свободы – такого философского – нет.

Потому что свобода применительно к различным отраслям, направлениям жизнедеятельности имеет различное содержание.

Но выработка общих подходов, связанных со свободным волеизъявлением, свободой выбора и, соответственно, несозданием тех условий, которые затрудняют этот выбор, – задача закона, государства.

Мокий М.С.: Ясно. В основном, как я понимаю, это касается регулирования внешней свободы, по Карену Хачиковичу.

Постников А.Е.: Да, внешней.

Мокий М.С.: Да, это возможность осуществления каких-то действий.

А вот теперь, если возможно, я задам вопрос Карену Хачиковичу. Можно, Гарегин Ашотович?

Тосунян Г.А.: Да, пожалуйста.

Мокий М.С.: Карен Хачикович сказал, что свобода – это та категория, которая относится исключительно к человеку.

Никто из нас не будет отрицать, что человек – это все-таки порождение природы.

Мы фрагменты природы, без нее существовать не можем.

И было бы слишком антропоцентрично рассуждать о том, что в своих действиях мы можем отрицать ее законы, что у нас есть какие-то собственные законы, отличные от законов природы.

В этом смысле свобода человека подобна свободе электрона, движущегося по орбитали, в соответствии с квантовой физикой.

В связи с этим можете ли Вы сказать, Карен Хачикович, какие, на Ваш взгляд, законы природы должны лежать в основе понимания свободы – как внутренней, так и внешней?

Безусловно, я согласен с тем, что здесь говорили в отношении того, что биться головой в стену – это следствие непонимания законов природы, особенно внутренней свободы.

Я, конечно, могу поставить себе цель сделать через год тройной тулуп на коньках, но это будет абсолютно идиотская цель, потому что мне 70 лет, я ни разу в жизни на коньках не стоял, и поэтому совершенно понятно, что я этой цели никогда не достигну.

В этом смысле просто незнание законов природы позволяет человеку ставить совершенно глупые цели.

Как, впрочем, и выбирать пути достижения.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Карен Хачикович.

проф. МОМДЖЯН К.Х.

Законы природы, конечно, влияют на человеческое поведение, но, по моему глубокому убеждению, это влияние ограниченное.

Действительно, законы природы ставят определенные барьеры, которые мы не можем перешагнуть.

Но поведение человека никакими законами природы не определяется.

Я глубоко в этом убежден.

Я полагаю, что у человека есть органическое тело, которое определенным образом влияет на наше поведение, вне всяких сомнений.

Но человек ни в коем случае не редуцируется к своему телу.

Классический пример этого, Гарегин Ашотович, постоянные конфликты, в которые наша личность вступает с собственным телом.

Вам нужно идти на свидание, а у вас температура 38,7, и вы вправе сказать своему телу: «Что ж ты делаешь? В самый неподходящий момент ты мешаешь мне, субъекту, реализовывать мои человеческие цели».

А самый кошмарный конфликт человека с собственным организмом – это смерть.

Когда вам хочется жить, а организм говорит: «Всё, приехали, сливай воду».

Поэтому, конечно, этот субстрат человеческого существования в определенной мере влияет на наше поведение, но ни в малейшей степени не определяет его.

Я уверяю: в социальной реальности никакие законы природы в прямом виде не действуют.

Это всего лишь ограничительные условия человеческой активности.

Тосунян Г.А.: Да, согласен с Вами.

Черныш Михаил Федорович руку поднимал.

**чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. , акад. ТОСУНЯН Г.А.,
д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.**

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., профессор, директор Федерального
исследовательского социологического центра РАН

Черныш М.Ф.: Я хотел сделать короткое выступление.

Не знаю, это уместно сейчас, или мы пока в режиме вопросов?

Тосунян Г.А.: Мы уже можем перейти к выступлениям.

Олег Анатольевич Ефремов тоже хочет сделать короткое выступление.

Вопросы еще есть, но мы сначала слушаем выступления, а потом вернемся к вопросам.

Черныш Михаил Федорович, член Академии наук, руководитель Федерального социологического центра. Пожалуйста.

Черныш М.Ф.: Уважаемые коллеги, есть разница между дисциплинами.

Философы могут рассуждать о свободе и о человеке как о некой абстракции, а социология себе такого позволить не может.

Социология, я вам скажу, не лучший контекст для обсуждения проблем свободы.

Она изучает общество, то есть надындивидуальную реальность, которая имеет по отношению к человеку принуждающую и программирующую силу.

Ключевые вопросы социологии:

«Как возможно общество?»,

«Как возможен порядок?»,

«В каком направлении мы развиваемся?»

Но это всё не вопросы свободы.

Общество существует благодаря процессам производства и воспроизводства.

Очевидно, что без воспроизводства общество невозможно, и оно на разных стадиях его развития происходит по-разному.

Один из основателей социологии Огюст Конт, разработавший закон трех стадий, считал, что третья стадия – это общество под управлением науки.

Очевидно, что подобное общество отрицает свободу: если все управляется, все детерминировано и везде искусственный интеллект рассчитывает для нас оптимальные способы деятельности, где пространство свободы?

Один из классиков социологии Эмиль Дюркгейм видел общество в институциональном принуждении по отношению к человеку.

Институты даны нам не только как внешнеположенные, каковыми их представил Карен Хачикович, но и как внутреннее принуждение.

Они интериоризируются в качестве ценностей, норм поведения, которые человек ощущает как свои нормы, как свои собственные внутренние детерминанты.

Важнейшим условием существования общества является конформность.

Мы с вами привыкли осуждать конформность и приравнивать ее, к примеру, к желанию баранов ходить стадом.

Давайте представим себе ситуацию, когда бараны начнут разбегаться в разные стороны.

Это будет прекращение социального порядка и приведет к коллапсу экономического и социального

устройства, а в конечном счете – неизбежно к гибели самих баранов.

Склонность к конформному поведению неоднократно подтверждалась психологическими экспериментами.

Дмитрий Викторович Ушаков не даст мне здесь соврать: в эксперименте Милгрэма свободные американцы давали жертве эксперимента сильные разряды электрического тока вплоть до того состояния, когда она переставала подавать признаки жизни.

После эксперимента они говорили, что сомневались в том, нужно ли было это делать, но они получали институциональное подтверждение правильности совершаемых действий и делали то, что им говорили.

У этого эксперимента есть идейная подоплека.

В США людей казнят на электрическом стуле, и электрический разряд был, по сути, аналогом казни невинного человека, участника эксперимента.

Многие поведенческие акты, которые люди совершают, делаются с опорой на стереотипы.

Без стереотипов мы с вами вообще не выжили бы как вид.

Благодаря алгоритмам, которые имеют в основе социальный опыт, мы ориентируемся в ситуациях, избегаем сложностей, по сути дела, выживаем.

Что такое в этой ситуации свобода?

Свобода, как Карен Хачикович справедливо утверждает, существует как некая совокупность внешних условий жизни людей.

Если не выходить за рамки социологии, то определение свободы будет скромным: свобода – это сужение

круга внешних ограничений, минимизация прямого насилия.

Это внешнее условие свободы, потому что если вы находитесь в обществе «1984», то никакой свободы у вас нет.

Итак, внешние условия являются условием свободы, но есть и второе важное условие свободы – это внутреннее состояние.

В социологии и в социологии, которая находится на грани философии, принято считать, что человек склонен к внутреннему диалогу и рефлексии по поводу собственного опыта и призвания.

Сознание, рефлексия, выходящая за ту границу, которая устанавливается предыдущим опытом, внешними ограничителями, дает нам представление о том, что мы живем в пространстве выбора.

Конечно, эта рефлексия имеет в основании то, что мы называем ценностями добродетели, а если этого не будет, то и Родион Романович Раскольников – рефлексирующий человек.

Он отлично отрефлексировал свое состояние и пришел к выводу, что будет решать свои проблемы так, как он их потом решал.

И здесь важный вопрос: в какой степени люди способны к рефлексированию по поводу собственного опыта и ситуации, в которой они находятся?

В этом измерении рефлексии есть своя социальная дифференциация: какие-то люди к этому способны, а какие-то нет, какие-то люди постоянно ведут внутренний диалог, а какие-то нет.

Поэтому одни люди действуют автоматически, воспроизводя какие-то культурные и социальные образцы, а другие постоянно по этому поводу рефлексируют.

То есть состояние свободы разное в разных странах, оно образует стратификацию.

Мне кажется, на этот момент можно было бы обратить внимание.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Федорович.

Вы считаете, что есть люди, которые не ведут внутреннего диалога, лишены внутреннего диалога?

Черныш М.Ф.: Таких очень много.

Тосунян Г.А.: Seriously?

Александр Николаевич, как психолог Вы подтвердите этот тезис? Действительно много людей, которые не ведут внутреннего диалога?

Поддяков А.Н.: Может быть, со мной поспорят, но самые примитивные формы диалога, в виде какой-то самооценки, есть у каждого.

Тосунян Г.А.: «Хочу я кофе или чай» – не этого уровня, а скорее уровня «выпить или нет».

Поддяков А.Н.: Да, я согласен.

В психологии даже выделяется рефлексивный тип из тех, которые «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Он сомневается, думает, взвешивает.

И есть импульсивный тип, который мало думает о себе.

Тосунян Г.А.: Какое процентное соотношение?

Поддяков А.Н.: Не скажу.

Черныш М.Ф.: Вернемся к результатам эксперимента Милгрэма, в котором изучалась подчиняемость.

Выяснилось, что институциональному авторитету беспрекословно подчинялись примерно 60% испытуемых.

Подчеркну, что речь идет о совокупности американцев, выросших в свободной стране, в Соединенных Штатах Америки.

В ситуации, когда над ними довлел институциональный авторитет, они давали своим согражданам разряд электричества, поднимая силу тока до 450 вольт.

40% рефлексировали, они останавливались, они говорили: нет, я выхожу из эксперимента.

Там человек, он кричит, ему больно, он просит о помощи. Почему я должен продолжать эту пытку?

Это – рефлексирующий тип.

60 на 40, так было в 50-е годы.

Говорят, что с тех пор ситуация изменилась.

Рефлексирующих стало больше, где-то около половины.

Поддьяков А.Н.: Маленькое уточнение. Есть видео этих экспериментов.

Там один из отказавшихся участников развернулся к экспериментатору и сказал: «Я не буду продолжать». То есть он пошел на конфликт.

Это в подтверждение того, что было сказано.

Тосунян Г.А.: А там было право выбора?

Поддьяков А.Н.: Вот в том-то и дело.

Милгрэм описывает в своей книге, у него есть об этом отдельная глава, что это для многих был сильный конфликт.

Человек в белом халате, представитель администрации, говорит: «Я Вам говорю, что это надо делать, Вы должны это сделать».

Нужно было преодолеть себя, чтобы в пределе сложить вот так руки и сказать: «Мне не нужны ваши деньги, я не буду этого делать». Там была плата за эксперимент.

То есть изначально опции «отказаться» не было, экспериментатор не говорил об этом.

Сейчас, по современным требованиям к эксперименту, участнику говорится: «Вы в любой момент можете выйти из эксперимента».

Тогда такого не было, и все равно люди говорили «нет».

Черныш М.Ф.: Надо еще понимать, что это был Принстон.

В те времена, да и сейчас тоже, Принстон – это авторитетное исследовательское учреждение.

Люди верили ученым, верили науке.

Тосунян Г.А.: Кстати, Михаил Федорович, еще к Вашему тезису о том, что если бы бараны начали разбегаться, то это было бы очень неконструктивно с точки зрения продвижения вперед по многим вопросам.

Не проводя никаких параллелей, отмечу, то, что китайцы сегодня имеют, чего они сегодня достигли, это, конечно, благодаря определенной системе.

Если хотите, благодаря их ментальности, в которой заложено «ходить строем» и определенным образом подчиняться догмам и неким установкам.

В отсутствие этого, я думаю, такие фантастические результаты не были бы достигнуты.

Хотя аналогичные, но менее масштабные результаты – допустим, японские и южнокорейские – могут сказать, что не обязательно хождение единым строем.

Хотя у японцев тоже склонность к единому строю, наверное, присутствует. Благодаря этому были достигнуты в свое время определенные результаты.

Но та фантастика, которую мы видим на примере Китая, мне кажется, в значительной степени обусловлена именно этой способностью настроить миллиард людей на то, что надо делать, потому что сказала партия, потому что сказали вожди и руководители.

Я своими сомнениями и соображениями делюсь.

Так или не так? Вы согласны?

Черныш М.Ф.: Я согласен, Гарегин Ашотович.

Конформность – это очень важное свойство человеческого общества, которое культивируется и без которого общество в принципе невозможно.

Хотя мы, конечно, осуждаем это качество.

Мы говорим, что мы любим свободных людей, а конформных не любим, нам не нравится конформист в фильме Бертолуччи, – это все понятно.

Тем не менее без конформности общество невозможно, оно просто не существовало бы.

Помню, смотрел какой-то американский фильм, где пилоты на Б-19 летели, чтобы бомбить Германию.

В ходе выполнения этого задания между ними возникли разногласия.

Один из них говорит штурману: «Да ну вас всех, я пойду и выпрыгну из самолета с парашютом».

Он выпрыгнул с парашютом.

Потом второй пилот сказал: «Ну, если он прыгнул, я тоже выпрыгну».

Главный пилот сказал: «Да ну вас всех, в этой ситуации я, наверное, разверну самолет и полечу домой, на базу».

Вот пример того, к чему приводит рефлексия и отсутствие конформности в какой-то критической ситуации.

Тосунян Г.А.: В армии и силовых структурах без дисциплины в принципе невозможно, наверное.

проф. МОМДЖЯН К.Х. – акад. ТОСУНЯН. Г.А.

Момджян К.Х.: Вы знаете, коллеги, это, конечно, очень интересный эксперимент, когда вы причиняете боль человеку, и при этом совершенно непонятно, почему вы это делаете.

Только потому, что какой-то человек в белом халате говорит, что это нужно делать.

И в этой ситуации отказаться от участия в насилии – это вполне понятная для меня вещь.

А вот, смотрите, другая, значительно более сложная ситуация.

Я присутствовал на лекции по социальной философии в университете SUNY в США, и там профессор обсуждал со своими студентами вот такой вопрос.

Следует ли пытаться террориста, если он знает, где заложена бомба страшной разрушительной силы, которая должна взорваться через день, но отказывается об этом сообщить?

Профессор предложил голосование, и студенты проголосовали таким образом:

– 20% сказали, что пытаться нужно обязательно, потому что жизнь людей важнее, чем разного рода моральные запреты;

– 10% альтруистов сказали, что ни при каких обстоятельствах пытаться нельзя, это недопустимо, даже если погибнут люди;

– а вот вся остальная масса американцев сказала, что пытаться нужно, но пытки должны быть транспарентными, то есть они должны осуществляться по строгой инструкции и под строгим контролем.

И как оценивать такую позицию с точки зрения гуманности?

Вот это проблема.

Тосунян Г.А.: Самое интересное, что предоставление такого права существенным образом ухудшает ситуацию в целом.

Снижает мотивацию к применению других способов обнаружения заложенных бомб.

Потому что проще пытаться, чем работать.

Никакой жесткой параллели не провожу, но с позиции финансового рынка ЦБ проще регулировать и повышать ключевую ставку, чем думать, как всерьез бороться с инфляцией и развивать финансовый рынок.

Простите, это насущная тема, поэтому я такие скачки делаю. Возможно, что сопоставление не самое удачное.

Но всегда проще запрещать, пытаться, насилловать, оправдывая это тем, что обстоятельства требуют.

Значительно сложнее действительно искать и находить преступников.

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, в ситуации, когда бомба уже заложена, Ваши рассуждения теряют силу.

Тосунян Г.А.: Локально они могут терять смысл.

Но локальное превращается в определенную тактику, и она оправдывает тогда устоявшуюся склонность к пыткам.

Коллеги, три руки подняты, я всем предоставляю слово.

Кржевов В.С.: Позвольте маленькую реплику.

Я думаю, что это все-таки в корне неверная альтернатива: или конформность, или хаос.

Здесь вопрос: по каким основаниям конформность? Вот это принципиально.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Олег Анатольевич Ефремов из МГУ, пожалуйста,
Вам слово.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета МИФИ

Спасибо, Гарегин Ашотович. У меня небольшое выступление.

Не мог не записаться, учитывая тему, а также то, что выступали мои глубокоуважаемые коллеги.

Я хотел бы обратиться к социальным аспектам свободы, которые сегодня были затронуты.

Полностью согласен с Кареном Хачиковичем в том, что нужно различать свободу и свободу в обществе.

Действительно, свобода в обществе – это определенный набор условий, которые позволяют реализовывать индивидуальную свободу.

То есть общество свободой не обладает.

Свободой обладают люди, а свобода в обществе – это те условия для реализации свободы, которые общество им предоставило.

Первое, что я хотел бы сказать.

Сегодня свобода в обществе – это не какая-то отвлеченная благая цель, не просто ценность, не просто что-то идеальное и желаемое.

Это функциональная необходимость.

Потому что максимальных успехов достигают общества, которые как раз предоставляют своим гражданам свободу.

Ибо большая часть современных социальных институтов связана именно с встроенностью в них свободы.

Давайте вспомним рыночную экономику, предпринимательство, демократию, развитие интеллектуальной сферы – везде свобода является необходимым условием успеха.

Но вопрос: какая свобода?

Очень важно понимать, что сегодня мы частенько забываем о разнице между свободой и произволом.

Ведь произвол – самоотрицание свободы.

Я имею в виду прежде всего западную традицию, но это, может быть, лишь наиболее яркий пример.

Как раз вся история либеральной культуры – это попытка найти баланс между своеволием человека и его ограничением, которое в конечном счете порождает свободу, дает вот эту самую свободу.

Свобода может быть функциональной только тогда, когда она ограничена.

Формой этого ограничения выступает прежде всего правовая система, о чем сегодня говорилось.

Прекрасная фраза Гегеля: «Система права есть царство, реализованное из свободы» – как никогда актуальна.

Нужно понимать, что очень часто может возникать ситуация, когда свобода в обществе вступает в напряженные отношения со свободой индивидуальной.

Иногда можно сказать, как следует из доклада Карена Хачиковича, что свобода в обществе требует ограничения и даже подавления индивидуальной свободы.

Если, например, поведение преступника, убийцы, вора и так далее считать проявлением индивидуальной

свободы, то условием сохранения свободы в обществе является подавление как раз этого проявления свободы.

Мы вынуждены подавлять чью-то свободу для сохранения свободы других людей, то есть свободы в обществе и его успешного функционирования.

Сегодня мы все чаще видим призывы к максимальной свободе, и порой это призыв к максимизации индивидуальной свободы за счет свободы в обществе.

Но надо понимать, что, если мы уничтожим свободу в обществе, индивидуальная свобода не только потеряет свою функциональность, но и сама себя уничтожит.

Потому что именно в этом концепте, в институционализации свободы в обществе, заложена та модель функциональной свободы, которая обеспечивает не только возможность ее реализации для отдельного человека, но и успешное функционирование общества.

Поэтому очень важно сегодня не столько защитить свободу от деспотизма, о чем у нас очень часто говорят.

Сегодня опять актуально защитить свободу от произвола.

Утверждать эту самую свободу в обществе, имея в виду не просто проявление возможности каждого человека делать абсолютно все, что он хочет.

В этом случае будет гоббсовская «война всех против всех».

А сохранять эту модель свободы в обществе, где ограничение свободы каждого обеспечит одновременно и сохранение свободы каждого.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кто-то из коллег высказал мысль, цитируя своего знакомого, что пропади пропадом шенгенская виза и свобода выезда, если я должен свою внучку из школы встречать с газовым баллончиком.

Да, действительно, здесь надо очень тщательно разобраться, в чем разница между свободой и «свободой бандитов», которые могут ходить с оружием и творить зло.

К нам подключается Владимир Сергеевич Смолин из Института математики.

СМОЛИН В.С.

научный сотрудник Института прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН

Спасибо.

Я с большим вниманием прослушал прошедшую дискуссию, было высказано много интересных мнений.

Прозвучала такая мысль, что логика Аристотеля плохая.

Чем она плоха?

Вроде бы всем нам нравится, мы так воспитаны.

Но есть другое мнение, что логика – это инструмент риторики, которая в зависимости от тех посылов, с которых мы начали, позволяет доказать любое утверждение.

Вся религия, философия, наука, они, конечно, рассказывают, что они направлены на получение знаний, прогресс и прочее.

Но поддержку и гранты получают только те, которые направлены на обоснование справедливости текущей власти.

С древних времен рассказывалось, что вся власть от Бога, поскольку Бог знает, как делать, а раз правитель – его помазанник, то, соответственно, и он знает, как поступать.

С другой стороны, правитель при этом не обладает свободой воли, поскольку он проводит Божью волю.

И даже с Богом есть проблема, со свободой воли Бога.

Казалось бы, у него вообще нет никаких ограничений.

На не очень хорошей логике Аристотеля показывается, что Бог – даже Бог – не может быть одновременно всемогущ и всеведущ.

Потому что если Бог всеведущ, то он не может сделать ничего такого, чего он не знает.

Если бы Бог обошел этот парадокс, то свободы воли у него тоже не было бы.

Поскольку он делал бы только хорошее, он же направлен на добро, и никакого зла в мире не существовало бы.

А так некоторые проблемы у нас есть.

Вся наша свобода воли так или иначе основана на нашем ограниченном знании.

Эти ограничения, как в древности считалось, связаны с тем, что нам просто не дано понять Божью волю.

Потом пришла механика, и выяснилось, что мы вроде бы все точно объяснили, но в сложных системах мы не можем получить полные знания о сложной системе.

Когда появилась квантовая механика, многие философы очень обрадовались: «О, теперь мы можем объяснить, откуда идет неопределенность!»

С моей точки зрения, это просто еще один повод говорить о том, что мы не можем получить полные знания.

И причина этого не только в сложности, хотя на самом деле это основная причина.

Но причина и в том, что, когда мы осуществляем измерение элементарных частиц, там есть ограничения на постоянную Планка.

Это тоже ограничивает возможности получения нами знаний.

В тех случаях, когда мы имеем достаточно полные знания, наши действия всегда предопределены.

А в тех случаях, когда полных знаний нет, к сожалению, мы вынуждены полагаться на второстепенные факты, в этом всегда и проявляется наша свобода воли.

Сложность системы проистекает не из того, что мир достаточно сложный и мы не знаем, какова была Божья воля по его созданию.

Сейчас есть много виртуальных миров, и можно найти Васю, который написал программу, которая реализует этот виртуальный мир.

И все законы, которые он туда заложил, узнать до последнего.

Но даже в таких простых играх, как шахматы, мы не можем найти оптимальную стратегию, которая позволяла бы нам всегда выигрывать.

С виртуальным миром то же самое.

То есть дело не в физическом каком-то особенном мире, а в том, что любая сложная система не позволяет нам полностью оценить все ее возможные состояния.

Когда говорят о том, что человеческое тело не редуцируется до психологических качеств, с одной стороны, это правильно.

Конечно, нельзя поведением одного нейрона объяснить мою свободу воли или вашу.

С тем же успехом нельзя работой одного транзистора объяснить, как мы с вами общаемся по сети, когда вы видите мое изображение, – это редуцирование тоже нереально.

Конечно, сложные психические понятия не редуцируются до элементарных представлений, тем более – до элементарных частиц.

Все рассказы о том, что мы все стремимся к равенству, свободе, прогрессу, – это политические лозунги, которые в разные времена позволяют различным партиям приходить к власти.

Если говорить про развитие эволюции и цивилизации, идет другой процесс – накопление знаний.

Если, допустим, снежинки воспроизводятся как реализация физических законов, то все организмы создаются на основе ДНК.

То есть воспроизводятся знания, накопленные в ДНК.

В цивилизации тоже все процессы реализуются на основе тех знаний, которые накоплены в этой цивилизации.

Выживание в эволюции является не целью, а свойством.

Те, кто не выжил, просто не продолжают эволюцию, а кто выжил – продолжают.

Можно называть это целью, но условно.

В цивилизации – то же самое.

Так или иначе, выживают те общества, которые эффективнее накапливают новые знания и успешнее их реализуют.

Но зачастую нам это пытаются подменить политическими лозунгами, которые как в старые времена, так и сейчас направлены на поддержку существующей власти.

Отчасти это хорошо, то есть власть должна находить какой-то баланс между свободами и ограничениями.

И все общества так или иначе этот баланс реализуют.

Но цель состоит не в абстрактной свободе или в абстрактном равенстве, которого никогда не было и не будет.

А в том, чтобы найти именно баланс, который позволял бы этому обществу развиваться быстрее, чем другие.

Это говорит не об абсолютной свободе, а о наличии баланса свободы и ограничений, которые накладывает наша социальная структура, чтобы обеспечить более динамичное развитие нашего общества.

Я так понимаю, что вам уже надоело меня слушать.

Тосунян Г.А.: Нет-нет, просто еще есть поднятые руки. Хотелось бы, чтобы мы не выходили в бесконечность за пределы регламента.

Смолин В.С.: Хорошо, конечно.

Я бы еще много о чем рассказал, но не буду, чтобы вас долго не держать.

Основные идеи представления, что свобода воли может быть объяснена принципиальной ограниченностью знаний, а не бестелесной, недоступной для описания душой (в которую свято верит большинство здесь собравшихся), я рассказал.

Тосунян Г.А.: Спасибо. У Рубена был вопрос.

**ТОСУНЯН Р.Г., д. психол. н. ПОДДЬЯКОВ А.Н.,
к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С., акад. ТОСУНЯН Г.А.**

ТОСУНЯН Р.Г.
независимый эксперт

Тосунян Р.Г.: Здравствуйте!

Разговор шел о свободе воли, и мне захотелось задать вопрос.

Как участники дискуссии относятся к интуитивным решениям человека, которые принимаются и которые, на первый – а иногда и на второй, и на третий – взгляд, противоречат логике?

Если брать определение интуиции в идеалистической философии – как постижение истины непосредственным созерцанием, мистическим проникновением без научного анализа, – как Вы относитесь к данному явлению?

Не считаете ли Вы, что это в какой-то мере косвенное доказательство того, что у людей все-таки есть свобода воли?

Мне просто интересна эта позиция и с точки зрения нейродетерминизма.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Кому вопрос?

Тосунян Р.Г.: На обсуждение вопрос.

Тосунян Г.А.: Александр Николаевич, вопрос Вам и Карену Хачиковичу, наверное.

Подьяков А.Н.: Проблемы бессознательного также активно обсуждаются.

Проблемы интуиции относятся к проблемам неосознаваемого.

Здесь возникает проблема, что действительно человек может сам с удивлением обнаружить в себе интуицию.

Допустим, он интуитивно нашел решение какой-то сложной математической задачи.

Но точно так же в какой-то социальной ситуации, допустим, в стрессовой ситуации, он может повести себя так, что потом удивится сам себе – тому, какое решение он нашел.

Это решение может удивить его.

И его собственный поступок может удивить его как своей безобразностью («Неужели я мог такое?»), так и благородством.

Получается, что внутри человека действует некое подсознательное «я».

Временами оно проявляется как интуиция, временами – как некая движущая сила тех или иных поступков.

Точные механизмы этого неизвестны.

И с моей точки зрения, в этом проявляется свобода воли.

Существует концепция, что в психике человека представлено на самом деле несколько «я».

И это не раздвоение личности, это совершенно нормально.

Эти разные «я» актуализируются в разных ситуациях, в том числе в стрессовой ситуации вылезает какое-то другое «я».

Самый понятный пример: когда человек поскользывается на льду или падает с дерева, он потом с удивлением сам вспоминает, что он выделял всем телом, руками и ногами: «Оказывается, я это могу, это во мне тоже есть».

С моей точки зрения, есть разные степени свободы у этих разных «я», в том числе осознаваемых и неосознаваемых.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Моя свобода, например, позволила мне сломать в декабре руку, но я не очень доволен такой степенью свободы.

О если вернуться к интуиции, можно вспомнить о кандидатской диссертация чемпиона мира по шахматам Тиграна Петросяна, которая была посвящена роли интуиции в шахматной игре.

Он защищался в Институте философии и права Армянской Академии Наук, когда я еще был школьником или студентом.

Подьяков А.Н.: Спасибо за это, я не знал.

Кржевов В.С.: Как раз пример с Петросяном очень удачен. Это хорошая иллюстрация к тому, что я хочу сказать.

Есть определение, которое мне очень нравится: информация – мать интуиции.

Речь идет о том, что есть разные уровни информированности.

Что-то накапливает организм – та самая органическая память, которая проявляется в ситуации падения или когда человек должен что-то сделать мгновенно, чтобы себя сохранить.

Есть информация, которая накапливается в мозге и потом реализуется.

То есть речь идет о том, что не всегда работает осознанное решение.

Но всегда в основе вот этих интуитивных решений лежат какие-то знания – в целом, в широком смысле.

Тосунян Г.А.: Но в некоторых случаях эти знания, информация – это не что-то от Бога идущее?

Кржевов В.С.: Нет.

Тосунян Г.А.: Понятно, спасибо. Геннадий Петрович, пожалуйста, Вам слово.

АКСЕНОВ Г.П.

к. г. н., ведущий научный сотрудник отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Слушая нашу прекрасную научную конференцию, я подумал, что мы не можем не вспомнить академического человека – Владимира Ивановича Вернадского.

Он внес весьма весомый, большой вклад в осмысление понятия, которое мы здесь обсуждаем, – в понятие свободы.

Он и рефлексировал по этому поводу тоже чрезвычайно много.

Есть даже отдельная книжка публицистических статей Вернадского, с которыми он выступал в лучших газетах начала XX века.

Вернадский участвовал в таких организациях, которые как раз были связаны с борьбой за свободу.

Первая – «Союз освобождения», образованный в 1903 году, который издавал соответствующую газету за рубежом.

Потом весь этот состав переместился в 1905 году в «Партию народной свободы», то есть Конституционно-демократическую партию, или кадетскую, и Вернадский был одним из ее организаторов.

Первый параграф программы, принятой на первом съезде «Партии народной свободы», назывался «Свобода и права человека».

Идеи этого параграфа потом проявились в Конституции, которую они разработали в 1905 году.

Некоторые заседания проходили прямо на квартире у Вернадского, во дворе университета.

Он в то время был еще профессором Московского университета, у него была квартира на Моховой, удобная по расположению и с телефоном.

Эта Конституция, к сожалению, не была принята в полном объеме.

Под давлением земских съездов, в которых участвовал профессор Вернадский, был провозглашен Манифест 1905 года, согласно которому приняты гражданские и политические свободы.

В 1906 году были приняты Основные законы, открыта Государственная дума, введено представительное управление.

То есть кадеты, еще не во власти, все-таки повлияли на Основные законы 1906 года, которые, несмотря на всю их ограниченность, вывели Россию из феодального состояния.

И с этого времени в России начинается период, которым мы все восхищаемся.

Наступил период наибольшей свободы, которая была до 1917 года, в том числе наибольшей экономической свободы.

Это было экономическое чудо России: те показатели роста, по-моему, не были достигнуты больше никогда.

В это же время были заложены идеи равенства и свободы.

Революция 1905 года – впрочем, понятно почему – всегда в учебниках и до сих пор сопряжена со словом «поражение».

По марксистским схемам нам всегда говорили о поражении этой революции.

И это действительно так, но только в отношении поражения экстремистских партий – большевиков и эсеров.

А идея свободы и либеральной демократии, заложенная в «Союз освобождения», в Конституцию, которая

сочинялась на квартире Вернадского, в программу кадетов, в наибольшей степени проявилась именно в эти годы.

Революция победила, она перевела общество в другое состояние.

В 1920 году Вернадский был на «белом» юге России, на Дону – в Ростове у Деникина.

И он писал в местной газете того времени, что, несмотря на центральное военное жесткое управление, местная свобода, которая была достигнута до революции, должна существовать в основе политики Белого движения.

Но вместо нее оно провозглашало «единую и неделимую Россию», то есть подобие царского централизованного режима.

В соответствии с ним игнорируется местное самоуправление и на места посылаются эмиссары, которые выколачивают у населения ресурсы.

Население, естественно, сопротивляется.

Но на всем юге еще действовали земские советы, которые должны быть дополнены представителями деловых кругов, профсоюзов.

Лучше понимающие местные условия, писал Вернадский, советы лучше и быстрее справились бы с поставками, чем офицеры, посылаемые на места вместо того, чтобы идти на фронт.

Лидеры Белого движения стремились вернуть прежнюю страну, ту, которая существовала до 1905 года.

А ее уже не было.

Вот в чем Вернадский видел причину поражения «белых» – в игнорировании свободы.

На самом деле нужно было возвращать именно тогда достигнутую степень свободы.

Я хочу закончить вот чем.

В 1931 году Вернадский написал в дневнике пророческие, я бы сказал, слова: «Царство моих идей впереди».

Многие его идеи мы все хорошо знаем – это идеи биосферы и ноосферы.

Как раз в идее ноосферы и заложена такая степень свободы.

«Царство моих идей впереди» – означает, что мы, ученые, что бы ни задумали, должны руководствоваться научными проектами.

В основе развития должна быть наука, которая и создала нашу цивилизацию, и ничто другое, кроме науки.

Наука появилась в XII веке, и только тогда наша сегодняшняя цивилизация и началась.

Сейчас есть такое выражение «deep state», и мы прекрасно знаем, что такое deep state в разных странах.

Я думаю, что в конце концов у нас ученые должны и будут составлять эту группу.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

СУПРУН А.П.

к. психол. н., старший научный сотрудник
лаборатории «Психология общения» факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова

Супрун А.П.: Мне хотелось бы определить свободу воли, используя системный подход.

Так, по-моему, гораздо четче получается.

Наука формализует содержание нашего сознания и делает это достаточно успешно, во всяком случае, в естественных науках, не включая в свою систему субъекта волюнтаризма, свободы воли и так далее.

Однако реализовать такой подход в полной мере не удастся.

Мне хотелось бы на коротком примере это показать.

Скажем, у нас есть система, которая реализует евклидову геометрию.

Там все сводится к аксиомам, и с помощью определенных правил мы можем любое суждение, любое предложение в этой системе свести к этим аксиомам, поскольку это формализованная система, строго детерминированная.

Но дело в том, что математик, работая с этой системой, вынужден обращаться к свободе воли.

Например, если он хочет, опираясь на пятый постулат Эвклида о параллельности, доказать, что сумма всех углов треугольника равняется 180 градусов, он вынужден начинать с такой фразы: «Возьмем произвольный треугольник».

Он не может взять конкретный треугольник, он не может взять случайный треугольник – иначе доказательства не получится.

Но чтобы взять *произвольный* треугольник, он должен обладать *свободой воли*.

У математика с этим связана масса проблем: теорема Цермело, аксиома выбора и так далее.

Например, как взять произвольную точку, скажем, из континуума?

Это требует как раз свободы воли, что противоречит формализованной системе.

Но сам математик, обладая свободой воли, может даже изменить аксиоматику и создать другую геометрию.

И это связано с той самой непредсказуемостью, с неформализуемой свободой воли.

Например, Лобачевский долго пытался доказать пятый постулат Эвклида как теорему.

И благодаря инсайту он через несколько лет осознал, что возможны и другие геометрии.

Благодаря инсайту он нарушил причинность.

Другой пример – Менделеев.

Его периодическая таблица – это следствие, а причина была установлена много лет спустя, когда была разработана атомная физика.

Это открытие также произошло за счет инсайта.

То есть свобода воли связана с тем, что в нашу систему сознания проникает нечто из системы бессознательного, что нарушает причинность, и, следовательно, сам этот процесс невозможно формализовать в границах нашего сознания.

В квантовой механике, о которой сегодня уже говорили, есть такое явление, как редукция волновой функции. Волновая, или пси-функция предсказывает вероятности того, в каких состояниях будет система после измерения.

Например, рассмотрим знаменитый опыт Юнга.

У нас есть две щели и электрон, который может пройти через какую-то щель.

Если мы можем наблюдать, через какую щель он прошел, то мы на фотопластинке за щелью увидим точку, что означает – это пролетел объект (корпускула).

Если мы не наблюдаем за тем, через какую щель он прошел, то в этом случае на фотопластинке мы увидим интерференцию, то есть волновую картинку, следовательно, в этом случае локализовать электрон нельзя.

Он может быть «размазан» вообще по всему пространству.

Оказывается, что только когда результат измерения становится доступным сознанию, мы можем говорить о редукции пси-функции.

Если наблюдение недоступно, то в таком случае редукция оказывается невозможной, и мы видим интерференцию.

Этот эксперимент вызвал большой шок у физиков.

Нильс Бор говорил, что тот, кто освоил квантовую механику и не пришел в ужас, тот ничего не понял.

Математик фон Нейман впервые полностью формализовал аппарат квантовой механики.

В своей работе он написал, что мы можем формализовать в квантовой механике все, кроме вот этого загадочного механизма редукции, и того, как он связан с сознанием.

Дело в том, что в рамках аксиоматики квантовой механики редукция пси-функции, действительно, не может быть никак ни доказана, ни обоснована.

И фон Нейман ставит вопрос: кто же реально делает выбор из этой вероятности, и каким образом?

Были попытки доказать, что квантовая механика неполна и содержит скрытые параметры, поэтому у нас вероятность и вылезает.

Дальнейшие эксперименты, связанные с проверкой неравенств Белла, показали, что это совсем не так: квантовая механика полна, и редукция волновой функции в ней не формализуется.

Точно так же, как не формализуется любой инсайт.

Известный математик Адамар на основе опроса своих коллег собрал массу сведений о том, как происходит математическое открытие.

Большинство отмечали, что это происходит бессознательно.

Об этом же писал, в частности, известный математик Пуанкаре: «Это всегда мое сознание, и я сам к этому не имею никакого отношения.

Это происходит помимо меня.

Внезапно решение возникает, а дальше я уже занимаюсь его выводением, доказательством и так далее.

На это может потребоваться время, но ответ я уже знаю».

Не буду приводить примеры из творчества Пушкина, Моцарта и всех остальных – здесь та же история.

Вот одна интересная фраза Пуанкаре: «Мое подсознание знает больше меня, и оно мудрее меня».

Имеем ли мы право говорить о том, что математик, ученый и так далее является носителем этой свободы воли, если наше подсознание оказывает такое влияние на наше сознание?

Сознание формализуется, а то, что приходит в него извне, со стороны, изменяет само наше сознание.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Прошу Вас перейти к главным завершающим тезисам.

Супрун А.П.: Тут возникает целый ряд вопросов. Еще маленький эксперимент.

Тосунян Г.А.: Вы с какого факультета?

Супрун А.П.: Психология. Еще одно образование – физическое.

Есть один эксперимент нейрофизиологов со спонтанным нажатием на кнопку.

Условия такие: есть красная и зеленая кнопки.

Испытуемый совершенно спонтанно нажимает на какую-то кнопку.

Фактически это действие предсказать нельзя, поскольку оно произвольно.

Тем не менее исследования на МРТ показали, что за несколько секунд в мозге складывается определенная функциональная система, и по ней можно заранее предсказать, как «спонтанно» испытуемый отреагирует.

Это говорит о том, что наше подсознание фактически работает автономно и предопределяет наше поведение.

Оно фактически реализует эти нарушения причинности, ту самую неопределенность и свободу воли, о которой мы здесь рассуждаем.

Сейчас вопрос можно поставить так: если это не личность, то что это за субъект, который соотносится с нашим подсознанием, и какое отношение он имеет к нашей личности и индивидуальности, как он с ними связан?

В данном случае мы производим системную декомпозицию реальности, а не объектную, как это обычно делается в рамках системы сознания.

Мы представляем себе эволюцию и развитие как иерархию определенных систем.

Одной из этих подсистем является и наше подсознание.

Впервые, кстати, пытался осуществить системную декомпозицию Карл Юнг, который выдвинул совместно со своим приятелем, лауреатом Нобелевской премии Вольфгангом Паули, теорию бессознательного.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, тогда подходим к завершению.

Сейчас я предоставляю выступающим короткое заключительное слово.

**чл.-корр. КАСАВИНА Н.А., акад. ТОСУНЯН Г.А.,
проф. МОМДЖЯН К.Х.**

Касавина Н.А.: Хотела кое-что сказать по поводу доклада Карена Хачиковича.

Мне хотелось бы вернуться к ситуации со студенткой.

У меня не было вопросов в тот момент, я не стала задавать.

Но есть реплика.

Меня вообще очень удивила вот эта постановка вопроса.

Какое-то противопоставление субъектности и, в сущности, ее уничтожение насилием.

Эта ситуация с тем, что кто-то заставляет танцевать, передвигая руки и ноги, вообще напоминает ситуацию с распятием.

Как известно, даже распятый на кресте сохраняет свою субъектность, прося за другого распятого рядом.

Виктор Франкл ярко показал, что человек в самых тяжелых ситуациях сохраняет субъектность через самоотношение, самоосмысление.

Момджян К.Х.: Вы ошибаетесь.

Касавина Н.А.: Дело в том, что, как мне кажется, не нужно никаких экспериментов, чтобы показать, что насилием можно уничтожить субъектность.

Гораздо более интересно другое – как человек сохраняет на самом краю свою собственную субъектность.

Вот этим, по-моему, стоит заниматься, а не обратным.

Тосунян Г.А.: Субъектность определяется все-таки волей, и тогда Вы абсолютно правы.

Субъектность определяется не телом, не физическим состоянием, а волей.

И никаким искусственным передвижением, насильственным передвижением или распятием подавить эту волю невозможно.

Поэтому в такой постановке вопроса, пожалуй, я больше склоняюсь к Вашей версии.

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, можно простой вопрос?

Тосунян Г.А.: Конечно.

Саватюгин А.Л.: Не доказать объектность, а выиграть у красивой девушки две бутылки. Вот это уже смысл эксперимента.

Момджян К.Х.: Коллеги, позвольте вернуть вас к жизни.

Такое отвратительное преступление, как изнасилование.

Пока насильник говорит женщине: «Молчи, а не то хуже будет», – она сохраняет субъектность.

Она может выбирать варианты поведения: или кричать с риском для жизни, или подчиниться.

Но когда ее ударили кулаком по голове, дальнейшее происходит с бесчувственным телом.

Я не думаю, что вы будете говорить...

Тосунян Г.А.: Вы же не собирались студентку ударить по голове, а потом вчетвером со студентами...

Момджян К.Х.: Остановитесь.

Тосунян Г.А.: Нет, нет, я говорю о том, что в Вашем эксперименте действительно много...

Касавина Н.А.: А что это значит?

Момджян К.Х.: Это значит, что человек – живой человек – перестал быть субъектом собственной активности и превратился в объект чужой злой воли.

Он ничего не может изменить в ситуации.

Касавина Н.А.: Человека можно даже убить, но что из этого?

Мне непонятно вообще.

Тосунян Г.А.: Пример очень яркий, но неубедительный.

Пример хороший, чтобы развернуть вокруг него полемику.

Но он, конечно, вызывает массу вопросов в плане нарушения субъектности в данном случае.

Вы нас не убедили.

Пожалуйста, Мецо Юрьевич.

ИГИТЯН М.Ю.

Я просто хотел сменить тему, поскольку у нас сегодня тема свободы.

Я вспомнил, что есть такое определение брака: брак – это когда свобода одного заканчивается там, где начинается плохое настроение другого.

Эта формулировка – о свободе, о степени границ и всего остального.

Мне очень понравилась сегодняшняя дискуссия.

На самом деле Вы просто заинтриговали меня вот этой историей, которую мы тут обсуждали и возвращались к ней периодически.

Очень умная, очень красивая, очень принципиальная, сильная и смелая девушка, поэтому она заслуживает всяческого уважения и наших комплиментов.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Юлия Борисовна Епихина просит слово.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н.

Да, я тоже решила подключиться к дискуссии с короткой репликой о холостяке.

Во время доклада прозвучало, что холостяка нельзя считать свободным от диктата жены.

Но холостяк – это тот, кто свободен вступить в брак, и этим он, наоборот, отличается от женатого человека.

То есть он свободен сделать определенный выбор.

Таким образом, он отличается от женатого человека, который уже не свободен, поскольку реализовал эту возможность и находится в состоянии брака.

По сути, свобода или несвобода здесь определяется социальным статусом.

О том же говорил и Михаил Федорович: наши решения, свободы и несвободы определяются социальными институтами и обществом, обладающим принудительной силой.

Возвращаясь к теме танца, скажу, что, конечно, это возможность провести дискуссию.

Однако у нее тоже есть ограничения, связанные с социальным контекстом, нормами и правилами, которые зависят от статуса преподавателя и студентов.

Я считаю, что в современных условиях никто из участников этой истории не обладал бы такой свободой – просто потому, что существуют Рособрнадзор и другие, так сказать, надзорные органы, которые еще десять лет назад не имели столь значительного влияния.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, будем завершать.

Напоминаю еще раз, что заключительное слово – это не второй доклад.

Даю по паре минут каждому из выступавших.

Прошу Вас, Карен Хачикович.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

проф. МОМДЖЯН К.Х.

Прежде всего я хочу поблагодарить аудиторию.

Мне доставляют большое удовольствие выступления здесь.

Хочу уточнить по поводу того, что было сказано Михаилом Федоровичем.

О том, что свобода – это проблема философии, а вот для социологии, занимающейся обществом, проблемы свободы как таковой нет.

Я частично согласен с этим утверждением, но частично не согласен.

На самом деле, действительно, свободен может быть только человек.

Общество свободным быть не может, мы об этом уже говорили.

Общество же, наоборот, делает все для ограничения индивидуальной человеческой свободы, чтобы возможно было коллективное существование общества.

Михаил Федорович совершенно прав, когда говорит, что это не только внешние ограничения.

Общество воздействует на человека таким образом, что он интериоризирует в себе определенные внешние социальные установления.

Я могу об этом разговаривать часами.

Вся система человеческих интересов: организационных, коммуникативных, орудийных, информационных – есть не что иное, как интериоризация системы общественных отношений, в которые включен человек.

Вся система ценностных предпочтений человека – это интериоризация культурных шаблонов, которые существуют в обществе.

Это, безусловно, так.

Общество ограничивает свободу, вне всяких сомнений.

Но я должен сказать, что все-таки проблема свободы является для общества ключевой.

Потому что плохо организованное общество, ограничивающее индивидуальную свободу, рискует перестать существовать вообще.

На эту тему очень хорошо сказал Фуко.

Он сказал, что структуры влияют на человеческое поведение, но на баррикады выходят не структуры, на баррикады выходят люди, которые разрушают эти структуры, мешающие им ощущать себя свободными.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н.

Я присоединяюсь к высокой оценке нашего обсуждения и очень благодарен за возможность здесь выступить.

Хотел бы сказать несколько слов по поводу того, что прозвучало.

Прежде всего мне не совсем ясно, почему такая горячность возникла вокруг проблемы превращения человека в объект.

Карен Хачикович просто делал все время акцент на некой злой воле, которая человека объективирует.

Но представьте себе человека, которого понес поток.

Он же тоже, находясь в этом потоке, для себя самого ничего сделать не может.

Так что это на самом деле не такая уж сложная проблема.

Гораздо важнее проблема интериоризации.

Здесь я совершенно солидарен с Кареном Хачиковичем и хотел бы обратить ваше внимание на такое очень важное понятие, как легитимация власти.

Потому что без легитимности никакая власть не существует, она нефункциональна.

Самый яркий тому пример – это то, что произошло с Николаем II накануне Февральской революции.

Он потерял легитимность и, соответственно, оставаясь при этом легальным монархом, потерял власть.

Напомню, что легальность и легитимность – это не одно и то же.

Это очень важные вещи.

Конечно же, я совершенно согласен с тем, что внутренняя свобода человека играет колоссальную роль.

Раб все-таки может с рабством смириться, принять его как условие выживания, а может против него протестовать.

У человека это отнять нельзя.

Последнее, что я хочу сказать.

Я не хотел бы, чтобы у аудитории создалось впечатление, что я сторонник нейрофизиологического детерминизма.

Подчеркиваю, что в заключение было сказано: проблема свободы воли – это на сегодня открытая проблема.

Она требует рассмотрения с разных позиций, и, может быть, на этом основании мы придем к ее решению.

Спасибо еще раз. Всего доброго!

Тосунян Г.А.: Спасибо. Александр Николаевич, Вам слово.

ПОДДЬЯКОВ А.Н.

Д. психол. н.

Большое спасибо за возможность этого обсуждения, за возможность познакомиться с точками зрения представителей разных областей.

Короткий комментарий только по конформности.

Есть работы эволюционных биологов, в которых показано, что тенденция к неконформизму тоже биологически обусловлена.

Сейчас я приведу короткий и понятный пример.

Предположим, группа движется по незнакомой болотистой местности.

Лидер выбирает путь, куда идти.

Если он выбрал путь неправильно, а все конформисты, то все погибнут.

Если же в группе есть неконформисты, которые просто не прислушиваются к мнению лидера и мнению группы, то они могут выбрать другие пути, и кто-то спасется.

Поэтому эволюционные биологи, работающие в этом направлении, занимаются расчетами оптимального количества конформистов и неконформистов в разных экологических нишах и в разных условиях стабильности и нестабильности.

Еще раз большое спасибо за возможность выступить.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Александр Евгеньевич.

ПОСТНИКОВ А.Е.

Д. Ю. Н.

Я хочу присоединиться к выступавшим докладчикам в высокой оценке нашего мероприятия.

Думаю, что такое комплексное обсуждение на стыке философии, социологии, юриспруденции очень важно.

Оно помогает находить объективные научные границы, подходы к понятию свободы для человека, его поведения, его реального общения, в том числе в публичной сфере.

Объективные научные исследования дают возможность преодоления манипулятивных подходов и в законодательстве, и в политических дискуссиях.

Реальные риски состоят в том, что под лозунгами борьбы за свободу могут нарушаться и нарушаются те устремления, природа человека, которая наиболее полно раскрывается, когда личность свободна.

Задачу права, юристов я вижу в том, чтобы максимально найти меру баланса во взаимоотношениях интересов общества, публичной власти и личности.

Это необходимо для раскрытия человеческого потенциала, потенциала коллектива, общества в целом.

Именно плодотворная свобода личности должна стоять во главе правового регулирования.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Абдусалам Абдулкеримович, возьмете слово?

Гусейнов А.А.: Спасибо.

Вы как-то робко задаете вопрос.

Не ожидаете ли Вы, что я должен отказаться?

Тосунян Г.А.: Конечно нет.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Сначала сделаю два общих замечания.

Конечно, прозвучали прекрасные доклады.

И в целом все обсуждение – чем оно хорошо?

Оно на самом деле дает реальное представление о состоянии этой проблемы, ее понимании сейчас в перспективе разных дисциплинарных подходов и, вообще-то говоря, в разнообразии философских точек зрения.

То есть на самом деле это, можно сказать, пусть не исчерпывающий, но очень приближенный к истине слепок того, в каком виде эта проблема у нас сегодня существует в научном дискурсе и в целом в общественном сознании.

Это мое первое общее замечание.

Второе. О том, что касалось студентки и этого искусственного примера, который приводил Карен Хачикович.

Он говорил, что избегает историко-философских экскурсов и прямо берется рассматривать саму проблему.

А на самом деле в ходе обсуждения его доклада и других докладов история философии присутствовала.

На самом деле этот вопрос, для иллюстрации которого этот пример у Карена Хачиковича фигурировал, это та точка, с которой в истории философии начались рассуждения о свободе воли и вообще о свободе.

С этого начинал Аристотель, когда он провел первое различие – волевое и неволевое действие, или произвольное и непроизвольное действие.

Конечно, неволевое действие он сразу отметл в сторону.

Что это значит – неволевое действие?

Это именно вот такой пример, о котором говорил Карен Хачикович, когда силой берут за руки, за ноги и заставляют имитировать танец.

Аристотель приводил более наглядный пример, хотя менее впечатляющий.

Когда человека подхватывает буря и несет куда-то, и он в ходе этого производит какие-то разрушения.

В этом смысле действие этого человека или то, что происходит с этим человеком, оно, конечно, является непроизвольным.

И это как бы выносится за рамки того предмета, о котором идет речь.

Речь, безусловно, должна идти о волевых действиях.

Разумеется, не все волевые действия являются свободными.

Но сама свободная характеристика возможна только в пределах волевых действий.

Мне кажется, это можно считать некой аксиомой.

Это означает, что, по крайней мере, мы имеем дело с характеристикой человека как живого, разумного существа.

Как живого, разумного и волевого существа.

В этом смысле общий подход и обозначение проблемы, которые дал Карен Хачикович, мне кажется, являются совершенно правильными и даже несомненными в качестве исходной точки рассуждения.

Свобода – это, как говорил Гегель, «у себя бытие».

Это то, что позволяет нам понять субъектность человека. Это автономия человека.

«Я» – именно как самостоятельная причина действия человека.

То есть это некая несомненная изначальная характеристика, которая присутствует и без которой невозможен человек как разумное живое существо.

Как существо, реализующее свое существование в форме сознательной деятельности.

Все последующие исключения, которые в психологии, в криминологии приводят для того, чтобы вывести человека и некоторых индивидов за рамки тех, которые подлежат вменению ответственности, наказанию и так далее, они, конечно, исходят именно из такого понимания человека и роли его свободы для адекватной работы с этим понятием.

Карен Хачикович начал с того, что свобода – это что-то очень важное.

Нет общества, которое ее не ценит, по крайней мере, в современном мире.

А что такое свобода?

Вот тут мнения философов расходятся до такой степени, что трудно помыслить, чтобы они когда-нибудь сошлись.

Сегодняшнее обсуждение это и проиллюстрировало.

Здесь надо, мне кажется, подумать над самим этим фактом.

Мы признаем, что свобода – это некий несомненный факт.

Несомненный факт, присущий человеку как живому и разумному существу.

Несомненный факт, делающий возможной сознательную человеческую деятельность.

Что это значит?

То есть, когда философы дают разные определения свободы, о чем они говорят?

Каков тот предмет, который мы обозначаем понятием свободы?

Каков тот предмет, которым мы обозначаем понятие автономии воли?

Когда мы рассуждаем об этом, мы вдруг начинаем переходить в какую-то другую плоскость.

Я бы сказал, в область научной эпистемологии.

Начинаем обсуждать, какова причина или в силу каких детерминант существует свобода.

То есть мы сразу в ходе рассуждения отступаем от изначального понимания самой этой свободы.

Ведь саму свободу мы фиксируем как некое состояние, которое находится вне этих детерминант.

Когда Карен Хачикович говорит, что нет внешних причин, – абсолютно правильно.

Когда он говорит, что нет внутренних причин, которые обуславливают свободу, я думаю, что по-другому не может быть.

Потому что свобода и есть нечто такое, в силу чего человек сам становится этой причиной.

В этом смысле Карен Хачикович под конец вынужден был апеллировать к генетике, что именно в силу генетики мы обладаем такой способностью.

Конечно, это в каком-то смысле логично в ходе его рассуждений, но это, конечно, капитуляция.

Философы не могут отказываться от того, чтобы дать свой ответ на этот вопрос.

Владимир Сергеевич под конец апеллировал к нейрофизиологии.

Правда, сейчас в заключительном слове он уже как-то поправился, что нейрофизиология остается одним из возможных вариантов объяснения этой открытой проблемы.

Однако сам факт того, что он тоже отправил решение проблемы за пределы философии, по-своему любопытен.

Но оказывается, что нейрофизиология сама находится в той же проблемной ситуации, в какой находимся мы, когда рассуждаем об этих вопросах в рамках какого-то рационального дискурса, в рамках философии.

Теперь еще, если позволите, я высказался бы относительно общества и личности.

Я тоже, кстати, согласен – и думаю, это даже бесспорно, – что свобода воли и вообще понятие свободы воли – это характеристика, которая относится к индивиду, к личности, а не к институтам и даже не к обществу.

Тут даже и спорить нечего.

Свобода воли и реальность, в которой мы с ней имеем дело, – это человеческая деятельность, это поступки.

И вся проблема в том, что каждый поступок содержит в себе именно эту способность, которая присуща человеку как разумному существу и которую мы обозначаем с помощью понятия «свобода воли».

В этом вся мистика и парадоксальность философии и философского решения.

Ее хорошо обосновал Кант.

Человек совершает поступок.

Не важно, какой это поступок: действие или, может быть, суждение, – любой поступок, который совершает человек.

Этот поступок можно исследовать и получить исчерпывающее объяснение с такой же полнотой и с такой же доказательностью, с какой мы можем предсказать лунное и солнечное затмение.

Здесь нет никаких исключений.

В этом смысле рассмотрение поступка в его фиксированном, материальном, чувственном виде полностью подчиняется естественным законам, всем магнетизмам и всему прочему.

В то же время поступок всегда является актом свободной воли.

В чем состоит этот второй аспект?

Отсюда и кантовский нравственный закон, который, как он говорил, и есть разум, факт разума.

Это большой вопрос, я не буду занимать время, об этом можно много говорить.

Но важно то, что характеристика поступка как объективного и подчиненного такой эмпирической интерпретации факта сочетается с пониманием поступка как выражения свободной воли человека.

Бахтин говорил, что поступок ответственен.

Это более важно, то есть он ответственен прежде, чем он рационален.

Ответственность за поступок – это не последующая оценка этого поступка, это не оценка со стороны других, которые этот поступок получают.

А ответственность вмонтирована в сам поступок.

Она вмонтирована тем, что человек своей жизнью отвечает за те поступки, которые он совершает.

Я считаю, что и без того достаточно оснований считать Гегеля гением, но за определение, что свобода есть «у себя бытие», он, несомненно, заслуживает этого.

Именно свобода воли, или бытие в свободе – это и есть как бы способ существования человека.

То есть без этого невозможно бытие самого человека никоим образом.

Тут возможно, конечно, подчинение, отказ от своей личности и тому подобное.

Но когда мы рассматриваем человека как особое явление в мире, как особое явление во Вселенной, тогда, конечно, мы не можем отрывать его бытие от того, что это свободное, автономное существо.

И что его свободная автономия реализуется даже не в мотивах, не в среде, которую он себе создает.

Хотя и через мотивы, через среду он, конечно, активно действует.

Но это реализуется и фиксируется только в самом поступке.

То есть поступок ответственный.

В этом его самый принципиальный признак.

В этом смысле альтернатива общества и индивида, личности, конечно, понятна.

Организация общества, его институты, объективный характер существования общества, его норм и так далее – это, несомненно, некоторая вещь, которая говорит, что общество – это какая-то другая реальность, чем отдельный человек и отдельная личность.

Но общество все-таки возможно только потому, что есть человек, и потому, что человек обладает этой особенностью, и именно потому, что он является разумным и сознательным существом.

А разумным и сознательным он может являться только в качестве свободного и автономного.

В какой форме – это уже вариативно, но без этого он не может существовать.

И в этом смысле, мне кажется, нам нужно такое понимание общества и нужна такая общественная перспек-

тива, в которой и общество, и его перспектива оценивались бы или были бы следствием свободы и автономии воли.

Свободы отдельных людей, которые составляют это общество, – граждан.

То есть сама характеристика человека, его деятельности по критериям свободной воли и свободы является одной из самых существенных характеристик общества.

Мне кажется, это очень важный момент.

Это, конечно, не исключает, а наоборот, даже предполагает и обуславливает следующее.

Что само общество, конечно, это некая реальность, которая подлежит научному осмыслению и которая управляется какими-то строгими законами.

Но в том-то и особенность общества и общественного бытия как определенной стадии развития Вселенной, как определенного уровня развития, которого достигла эволюция, и так далее.

Вот такие у меня общие соображения.

Должен сказать, что доклады, которые сегодня прозвучали, были очень содержательными.

Я имею в виду все четыре доклада: Карена Хачиковича, Владимира Сергеевича, Александра Николаевича и Александра Евгеньевича.

Хотя Гарегин Ашотович почему-то два доклада свел в один и назвал одним докладом.

Но это были четыре доклада, которые позволили все-таки лучше и больше понять нам, что такое свобода, как она возможна.

Спасибо.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тосунян Г.А.

акад. РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Коллеги, я обратил внимание на один любопытный факт.

Когда мы обсуждали мозговую активность, паркинсон, альцгеймер, деменцию, когда мы обсуждали суицид, право на эвтаназию и смертность, у нас было гораздо больше анекдотов, чем когда сегодня мы обсуждали, что такое свобода.

И даже Мецо Юрьевич только один анекдот рассказал.

Я думаю, что это какая-то недоработка с нашей стороны.

Мы включим сейчас один минутный клип, если позволите¹⁹.

Тосунян Г.А.: Коллеги, тему свободы избыточно серьезно обсуждать было бы тяжело.

Я для себя комментарии, тезисы, конечно, фиксировал.

Их около двадцати, я не буду все перечислять.

Буквально на паре из них в заключительном слове остановлюсь.

Сапронов Д.В.: Спасибо, интересный ролик, заставляет задуматься.

Тосунян Г.А.: Коллеги, я буквально пару слов скажу, расставляю некоторые акценты.

¹⁹ [Ссылка на видеохостинг Youtube.](#)

Кареном Хачиковичем была высказана мысль о бессмысленности бороться за свободу, когда условия для свободы еще не возникли.

Если условия для свободы возникли, то бороться за свободу намного проще, надо грамотно ее оформить, и любителей выставить себя за борцов становится очень много.

А вот бороться по-настоящему надо тогда, когда условия не возникли.

Мне кажется, очень важно это осознавать.

И задача науки – в том, чтобы люди дозрели до понимания того, что такое свобода и зачем она нужна!

Создание условий – это в том числе и понимание того, что это действительно необходимые условия для полноценного существования человека.

Человека, который понимает, что такое чувство достоинства, который понимает свои права, и понимает, что он хотел бы оставить в наследство потомкам.

Высказывался также тезис о том, что не все люди нуждаются во внешней свободе.

Там была ссылка на пирамиду Маслоу.

Этот вопрос для меня остался пока открытым.

Мне непонятно: неужели действительно большинство людей живут без внутреннего диалога и без внутреннего сопротивления тому, что кто-то явно насилует здравый смысл?

Неужели не просыпается чувство собственного достоинства, чувство справедливости, чувство ответственности за то, что происходит в обществе?

Когда ты видишь, допустим, что некоторые представители правоохранительных органов останавливают людей и издеваются над ними, особенно если они мигранты?

Или когда ты видишь, что сильный издевается над слабым, считая, что его сила – это право доминировать и злоупотреблять не только физической силой, но в том числе и своим служебным положением?

Когда ты видишь многие другие вещи, которые должны нормального человека возмущать?

Если человек это переносит мысленно на своих близких, если он видит, что в такой ситуации могут оказаться и его близкие, он понимает, что должен этому противодействовать.

Ведь не все твои близкие столь сильны и столь опытны, имеют такой бэкграунд за плечами, когда могут наотмашь ответить хулигану, хаму, административному насильнику и так далее.

Уверен, что нормальный человек наверняка должен реагировать.

Просто уровень реакции может быть разный.

Не может быть, чтобы люди не реагировали и не задумывались.

Тогда мой вопрос такой: какие люди абсолютно лишены эмпатии, какой процент людей абсолютно лишен эмпатии?

Это, может быть, тогда физиологически можно оценить, например, МРТ сделать и выяснить, что у них зона эмпатии нулевая?

Что еще особенно привлекло мое внимание.

Очень важное разделение: делать то, что хочешь, – это одна форма свободы, но гораздо более важная форма свободы – это не делать того, чего не хочешь.

Это действительно принципиально разные формы свободы.

И осмысление этого вопроса требует глубоких размышлений.

Потому что когда тебя заставляют делать то, чего ты не хочешь, это гораздо страшнее, чем когда ты не можешь сделать что-то просто в силу того, что у тебя нет этой возможности.

Может быть, я что-то упустил в нашем обсуждении, но мне важно было бы на свой вопрос получить ответ.

Насчет того, что человек не может не сохранять внутреннюю свободу, потому что он в принципе, по определению от нее не может освободиться.

Интересная, очень глубокая мысль.

Действительно, степень перманентной присущности человеку вот этой внутренней свободы – это как раз противоречит Вашему эксперименту.

И теперь все требуют предъявить девочку. Не фотографию – нет, только живьем и с четырьмя ребятами.

Коллеги, тема безумно интересная, и я с огромным интересом и с огромной благодарностью всех вас слушал.

Гусейнов А.А.: Гарегин Ашотович, можно реплику о том, что Вы сказали?

Тосунян Г.А.: Конечно, конечно.

Гусейнов А.А.: Именно в поддержку.

Вы выразили сомнения относительно утверждения, что есть люди, которые лишены внутреннего диалога.

Кто бы ни сделал это утверждение, Маслоу или еще кто-то, возникает простой вопрос.

Даже если некто лишен внутреннего диалога, откуда мы об этом знаем? Это же его внутренний диалог. А как мы можем об этом судить?

Тосунян Г.А.: Нет, можем, Абдусалам Абдулкери-мович.

Например, я иногда своих друзей спрашиваю: «Скажи, когда ты ложишься спать или когда ты, допустим, в свободном режиме, в дороге, ты про себя не проговариваешь то, что мы с тобой обсуждали, или работу, которую мы проделали, или мероприятие провели?»

И я слышу очень разные ответы.

Он говорит: «Да нет, ну, проделали и проехали».

Я говорю: «Хорошо, а если ты увидел, что один избил другого, что был тот или иной факт какого-то неадекватного поведения?» – «Ну, увидел. И что, я должен вмешиваться в каждый конфликт?...»

Вы знаете, меня это поражает.

Причем это очень достойные люди.

Это люди, которые умеют сопереживать.

И они говорят: ну, увидели и увидели.

У них не возникает мысли о том, чтобы потом анализировать: «А почему? Каковы социальные условия, которые позволили так себя вести? А каковы первоначальные причины?»

Более того, когда ты начинаешь говорить о политике, о регулировании, о том, как себя ведут властные структуры, они говорят: «Зачем я буду так глубоко залезать? Я в этом не специалист. Это мне не интересно».

Гусейнов А.А.: Нет. Вы говорите о внутреннем диалоге в смысле рассуждений и так далее.

Внутренняя работа может быть самой разнообразной: щемит человека что-то, совесть, раскаяние, еще что-то.

Может быть, как здесь уже говорили, у него интуиция и так далее.

Внутренний мир, душевный мир – это же целая вселенная.

В этом и проблема: как мы через какие-то внешние вещи – через то, что мы спросили, а он что-то ответил, – можем понять его внутренний мир?

Если бы можно было провести эксперимент и выяснить, что вот это показывает, а это нет...

Если бы мы через такие вещи могли полностью проникнуть в этот внутренний мир нас, людей, то тогда, конечно, какая может быть свобода...

В том-то и вся соль, это же внутренний мир.

А что значит «внутренний мир»?

Тосунян Г.А.: Внутренний мир?

Ты спрашиваешь себя, пытаешься осмыслить происходящее.

Если человек этим не делится, ты понимаешь, что у него нет потребности в осмыслении происходящих событий.

Если события касаются того, чтобы сесть выпить, поесть или получить где-нибудь дополнительные деньги, над этим он думает. Но это тоже внутренний мир?

Гусейнов А.А.: Нет.

Понимаете, некоторые люди, чтобы подойти к себе, к своему внутреннему миру, иногда десятилетиями туда проникают и пытаются изучить.

В том-то и вся соль.

Если мы не поймем, что внутренний мир – это именно кладезь такой бездонный...

Тосунян Г.А.: Абдусалам Абдулкеримович, он, наверное, бездонный.

Тем не менее есть такие люди, которые во всем готовы обвинять соседа, или Америку, или еще кого-то, но никак не анализировать себя, не задумываться, в чем истинные причины.

А есть люди, которые анализируют в первую очередь себя, обстоятельства, внутренне проводят какое-то изучение проблем.

Можно и то, первое, назвать внутренним миром: во всем виноват сосед. Во всем виноват начальник, который мне не платит премию или не поднимает зарплату.

Это тоже внутренний мир, Вы абсолютно правы.

А еще лучше – во всем виновата теща, это более объективно, по крайней мере.

Понимаете, этот внутренний мир все-таки надо отделять от того внутреннего мира, о котором мы говорим.

От осознанного отношения к происходящим процессам, комплексного их оценивания, начиная от макро-процессов – к внутренним, семейным и прочим.

Есть разница, согласитесь.

Гусейнов А.А.: Если мы внутренний мир членим, выделяем такой слой, такой слой, третий слой, десятый слой...

Конечно, мы можем распределить людей по этому критерию: в какой мере он себя винит, в какой других винит и так далее.

Но это же не позволяет Вам утверждать, что Вы проникли в этот внутренний мир.

Тосунян Г.А.: Я абсолютно с Вами согласен, Абдусалам Абдулкеримович!

Утверждать, что ты проник в чей-то внутренний мир, очень наивно, поскольку это невозможно!

Коллеги, если не ошибаюсь, Владимир Сергеевич вспомнил Мандельштама. Завершая наше сегодняшнее заседание, я хотел бы это стихотворение полностью процесть, оно короткое:

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
— Ты побудь со мной сначала, —
Верность плакала в ночи, —
Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтоб свободе, как закону,
Подчинился ты, любя...
— Я свободе, как закону,
Обручен, и потому
Эту легкую корону
Никогда я не сниму.
Нам ли, брошенным в пространстве,
Обреченным умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть!

Блестящее стихотворение, поэтому только его часть
услышать было маловато.

Благодарю вас. Завершаем. Спасибо всем.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий
президента АРБ» и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.

7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.

14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «Особый». 2023-й риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.

21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.

28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й итоги. 2024-й перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
35. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.

36. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
37. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
40. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
41. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
42. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
43. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.

44. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
45. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
46. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Что такое Свобода?

Свобода воли, свободы личности, конституционная модель и законодательное регулирование

Материалы заседания 15 февраля 2025 года

Презентации докладчиков можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 21.11.2025

Формат 60х90/16

Цифровая печать

Тираж 500 экз. Заказ № 112

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.